

ДИСКУССИИ

Круглый стол “Агенты социальных изменений в обществе неустойчивой институциональности: личности, идеи, социальные движения”

Круглый стол, организованный отделом социальной психологии Института социологии НАНУ, проходил в Институте социологии НАН Украины 3 декабря 2019 года и был посвящен 95-летию основательницы отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины — Лидии Васильевны Сохань. За долгие годы работы она воспитала целую плеяду социальных психологов и социологов. Среди них известные сегодня не только в профессиональной среде ученые: члены-корреспонденты НАН Украины Е.И. Головаха, Н.А. Шульга, доктора наук Е.Г. Злобина, Е.А. Донченко, И.О. Мартынюк, Н.И. Соболева, кандидаты наук В.А. Тихонович, К.К. Грищенко, Р.А. Ануфриева, И.Э. Бекешкина и многие другие, с которыми она начинала работать еще в Институте философии Академии наук УССР, где в 1980-х по ее инициативе и под ее руководством начиналась разработка новаторской для тех времен проблематики — феномена жизнетворчества.

Тематика этого круглого стола придает творческому наследию Л.В. Сохань и многим наработкам ее школы актуальное социологическое звучание в исследованиях агентов социальных изменений и особенностей взаимодействия агентности со структурой в Украине как обществе неустойчивой институциональности.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО (модератор),

доктор социологических наук, Ph.D. Манчестерского университета (Великобритания), главный редактор журнала “Социология: ТММ”, Институт социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

VIKTOR STEPANENKO (moderator),

Doctor of Sciences in Sociology, Ph.D. at Manchester University (UK), Editor-in-Chief of “Sociology: TMM”, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

sociologia-glavred@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0002-3623-0057>

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА (модератор),

доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

Цитирование: Круглый стол “Агенты социальных изменений в обществе неустойчивой институциональности: личности, идеи, социальные движения” (2020). *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 123–162.

OLENA ZLOBINA (moderator),

Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

ezlobina@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0003-2593-788X>

Блок 1. Социальные изменения и запрос на агентность

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА,

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, заместитель директора Института социологии НАН Украины по научной работе, Киев

**Содержание и формы социального жизнетворчества личности
в условиях устойчивого и неустойчивого институционального
детерминизма**

Лидия Васильевна Сохань, 95-летию которой посвящен этот круглый стол, заложила основы нового направления в социальной психологии — психологии жизнетворчества. В Институте философии АН УССР в 80-е годы работал достаточно сильный в креативном плане коллектив. Разрабатывались интересные фундаментальные научные направления. Среди них была и фундаментальная философско-методологическая тема деятельностного подхода к изучению мира. Ее успешно разрабатывали В.П. Иванов, В.И. Шинкарук, В.Г. Табачковский, А.И. Яценко и другие сотрудники института. Л.В. Сохань в рамках этого институтского мейнстрима инициировала и успешно возглавила изучение феномена жизнетворчества.

Прежде всего хотелось бы привлечь внимание к одному явлению, которое заметно проявилось в наших общественных науках. На волне отказа от всего советского отказались и от содержательных теоретических наработок, в том числе и в области философии и социологии. Скажем, не получил дальнейшей разработки и углубления в социологии деятельностный подход, в том варианте, в котором он разрабатывался в Институте философии АН УССР. В последние десятилетия по умолчанию считается, что в области исследования общества несомненный теоретический приоритет имеют труды западных ученых. Не отрицая необходимости как можно более полного освоения наследия западной социологической мысли, нельзя не замечать перегибов в этом усердии. Нам кажется, что мы в значительной мере потеряли способность критичного восприятия разработок своих зарубежных коллег. В работах украинских социологов, и не только их, присутствуют элементы апологетического заимствования и неадекватной имплементации работ западных ученых. Бывает так, что какой-либо западный исследователь, решая свои конкретные исследовательские задачи, ввел научное понятие, объясняющее в его концепции определенный срез действительности

или выполняющее роль методолого-методического инструмента. Нередко наши исследователи, вводя в свое исследование это понятие, гипостазировывают его, возводят в ранг общесоциологического, а то и общенаучного. А затем начинают подводить под него факты, искать в чуждой для него реальности, что же оно отражает.

Не в обиду никому будь сказано, такая не критичность и апологетизм, по моему мнению, связаны с тем, что в социологию в девяностые годы прошлого века и нулевые — нынешнего влилось много людей из других наук. У них был слабый багаж историко-философских и историко-социологических знаний. А поскольку в это время отечественные авторитеты в данной сфере перестали быть монополистами социологического дискурса, в центре внимания оказались работы зарубежных социологов, переводы которых стали доступны широкому кругу исследователей.

К этой ремарке еще добавлю несколько слов о тенденции, которая проявляется в последние годы. Она связана с притоком в социологию хотя пока не очень многочисленной, но все же особой когорты молодых кадров. Они достаточно хорошо изучили историю социологии, ориентируются в работах современных зарубежных социологов, но почти не знают работ своих предшественников-соотечественников, работавших несколько десятилетий назад. Теоретико-методологический багаж отечественных ученых остается для молодежи неизвестным, а следовательно, и невостребованным.

В этой связи еще раз обратим внимание на проблему преемственности знаний в общественных науках, которая, впрочем, всегда была острой. Вот и в последние десятилетия мы столкнулись с нею в украинской социологии. Она предстала как альтернатива двух типов развития научного знания. Первый тип — он является основным и незыблемым в естественных и технических науках. Его можно назвать логическим типом преемственности: концепция, теория продолжает жить до тех пор, пока не будет предложена теория, которая ее разовьет, обогатит новым знанием и определит место прежней теории в новой. Второй же тип приращения знаний можно назвать развитием, а точнее изменением знаний по принципу домино. Все теоретические понятия-косячки, которые были ранее, смахиваем со стола и начинаем новую игру. На этом построены многие дисциплины, изучающие общество.

Как известно, судьба концепции жизнотворчества, разработанная Л.В. Сохань, сложилась удачнее, чем у других научных наработок. Ее идеи подхватили педагоги и успешно развивают их уже не одно десятилетие. Но потенциал теории жизнотворчества личности значительно более мощный и продуктивный, чем тот, что удалось реализовать. Преимущественно он осваивался педагогией. Но, к сожалению, он мало используется в социологии.

После этих общих рассуждений вернемся к теме нашего круглого стола, к проблематике использования категории жизнотворчества личности в социологии. Важно применить категорию жизнотворчества для анализа социального поведения личности в обществах с устойчивым и в обществах с неустойчивым институциональным детерминизмом. В институционально устойчивых обществах жизнотворчество личности разворачивается в рамках стойких нормативных и ценностных систем. Поле социального творчества личности четко ограждено моральными, культурными, правовыми нормами. Детерминизм институтов достаточно жесткий. Если коротко сказать, то креативность социального поведения личности здесь проявляется в изобрета-

тельности и стремлении к перфекционистскому выполнению норм. В этих условиях личностные инновации направляются в общество преимущественно через усовершенствование стандартов институциональных норм.

В условиях неустойчивых социальных институтов поле социального творчества раздвигается. Границы норм становятся размытыми. В этих социальных условиях личности почти невозможно выработать долговременную жизненную стратегию. Она вынуждена выработать ограниченные ситуацией, достаточно часто меняющейся, каждый раз новые планы социального поведения. Человеку приходится прикладывать много усилий, чтобы разрешить каждую социальную ситуацию, которая предстает всякий раз как новая, — разрешить если не успешно, то хотя бы с пользой или хотя бы без убытка для себя. Личность нерационально и неэффективно расходует свой жизненный ресурс (социальный, образовательный, культурный капиталы). Социальное творчество личности сосредоточивается на развитии своего умения быть готовой к непредвиденным и часто меняющимся ситуациям. У нее вырабатывается излишняя недоверчивость, подозрительность, а иногда и агрессивность.

Полагаю, что развертывая анализ общества через понятия агента и агентности, следует дополнить его (анализ) категорией жизнотворчества. Если анализ ведется только через агентность и агентов, то у нас, во-первых, выпадает из рассмотрения личность как целостность, во-вторых, сосредоточившись на видимых, доступных обыденному сознанию проявлениях социального активизма, мы можем упустить доминантные, глубинные социальные процессы. Скажем, феномен агентности может маскировать или даже скрывать процессы, происходящие на глубинном уровне государства. Поясню. Сосредоточившись на изучении агентности как практик волонтерской деятельности, практик деятельности организаций гражданского общества, мы можем потерять из поля зрения активизм крупных игроков в социуме: деятельность транснациональных компаний (в агросекторе, в добывающей промышленности, энергетике), деятельность олигархических групп, использующих теневые схемы вывода и ввода денежных средств из страны и в страну, взаимоотношения их с властью, особенно в области принятия ключевых для государства и общества решений — вопросы войны и мира, разрешения или запрета на продажу земли, вступления в международные союзы и т.п.

Категория жизнотворчества шире понятия агентности. Она позволяет объяснить больше социальных проявлений личности. Скажем, поведение многомиллионной группы анахроников. Ведь в нашем обществе к ним можно отнести чуть ли не все старшее поколение. В условиях неустойчивых институтов анахроники являются хранителями размываемых социальных норм, их принципиальными последователями.

Анахроником можно назвать ту личность, которая, во-первых, сама чувствует себя дискомфортно в ныне переживаемом настоящем, поскольку ее нравственные, культурные и иные ценности и нормы выпадают из контекста новых условий жизни, как на микро-, так и на макроуровне. Это ее внутренние причины неуютности. Во-вторых, такая личность не приемлет тот уклад жизни, в который она попала, его идеалы, его ритм, его нормативы, вектор его устремленности. Она не только плохо владеет языком повседневного общения многих современников, особенно молодежи, но часто даже не понимает этот казался бы естественный язык.

Мы не хотели бы, чтобы понятие анахроника толковалось оценочно, дескать, анахроник — это носитель положительных качеств, а ему противостоят носители негативных качеств, так что надо возвратиться к тому, что было в прежние времена. Посредством вычленения этого понятия мы акцентируем внимание на характерном для нашего общества явлении. Его суть состоит в том, что множество людей (их счет идет на миллионы) обнаружили себя в чуждой, неприемлемой для них социальной среде. Для многих людей, которых мы определяем как анахроников, общество, в котором они оказались, предстало по-другому организованным, с иным типом образа жизни, с иным строем мыслей. Анахроник этот уклад жизни не принимает. Возможно, какие-то элементы нового порядка бытия он и принимает, но в целом он для него чужд. Анахроник отчужден от него. Отсюда у него и дискомфорт. Это специфический тип социального отчуждения. Но не только анахроник отчужден от общества, но и новое общество не принимает анахроника, он ему (обществу) не нужен, на анахроника нет социального запроса. Он не то что здесь лишний — он просто из другой “коробочки”.

С точки зрения многих современных социологических подходов, на этом можно было бы и поставить точку. Что с этого анахроника возьмешь? Он же никакой не социальный актер, не полноценный агент преобразований, а так себе, странный сожитель с молодежью, он даже не современник.

Что же делать в этом обществе анахронику? Теория жизнотворчества дает ему шанс, хотя бы в рамках теоретического анализа, если не в жизни, остаться полноценным социальным субъектом. Он может обладать личностной полнотой. Однако чем более полная он личность, тем ярче будут его отличия и тем сложнее ему существовать в новом мире. Впрочем, эти темы еще требуют своего изучения.

Из сказанного можно сделать такие выводы: 1) надо с бóльшим уважением относиться к своему отечественному теоретическому наследию, активнее его вовлекать в сегодняшнюю исследовательскую практику; 2) не отрицая использования в исследованиях понятий агентности, агентов, акторов и т.п., следует избегать противопоставления категории жизнотворчества и понятия агентности.

ЮРИЙ САВЕЛЬЕВ,

доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры методологии и методов социологических исследований факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Методологические проблемы исследования социальных изменений

Можно выделить две ключевых проблемы изучения социальных изменений.

Первая касается теоретической интерпретации и измерения. Композитные индексы нечувствительны или малочувствительны к структурным, институциональным и культурным характеристикам обществ. Субъективные индикаторы неоднозначны в интерпретации. Например, ощущение благо-

получия и удовлетворения прямо зависит от уровня религиозности общества и распространенности чувства национальной гордости¹.

Решение этой проблемы возможно на основе подхода “увеличения возможностей”², когда все критерии социальных изменений соотносятся с возможностями выбора человека, то есть *с мерой его свободы, являющейся социально обусловленной*. Увеличение возможностей выбора предполагает, с одной стороны, активизацию социальных агентов, а с другой — контекстуальные условия и институциональные возможности для такой активизации.

Институциональные изменения могут оказаться недостаточными и привести к “ловушке возможностей”³. Увеличение возможностей социальных агентов посредством инклюзивных институтов должно сопровождаться их активным и ответственным участием в разных областях общественной жизни, реализацией гражданских прав и повышением их компетенций. В таком гармоничном сочетании двух аспектов (институционального и агентности) заключается социальное качество и потенциал развития современного общества.

Способность быть актором — это не просто фактическая принадлежность к привилегированным группам, доступ к институтам, ресурсам и власти, но и позиция по отношению к существующим институциональным возможностям и ограничениям, использование доступных ресурсов, приобщение к трансформации действующих институтов и построению новых. Таким образом, институциональные возможности обеспечивают реализацию практик участия, которые, в свою очередь, могут способствовать созданию и закреплению институциональных возможностей. В данном контексте отечественные наработки школы Л.В. Сохань могут оказаться весьма полезными.

Вторая проблема обусловлена тем, что социальные изменения состоят из относительно независимых компонентов, различение эффектов которых необходимо для понимания природы изменений.

Например, если зафиксировано увеличение доходов женщин по сравнению с мужчинами за конкретный период, то это может означать как относительное улучшение положения женщин, уже находившихся на рынке труда, так и результат постепенного прихода на этот рынок нового поколения молодых женщин с более высокими доходами⁴. Как в первом, так и во втором случае можно говорить об изменениях в обществе. Однако остается вопрос: уменьшается ли реальное гендерное неравенство? Иными словами, увеличиваются ли уже имеющиеся возможности для конкретных людей или же действительного улучшения их положения нет и этот факт скрывается за изменениями в популяции? Поиск ответов на подобные вопросы важен, если, к

---

¹ Inglehart, R.F. et al. (2013). Understanding the Russian malaise: the collapse and recovery of subjective well-being in post-communist Russia. In: *Basic Research Program Working Papers. Ser.: Sociology* (vol. 32). S.l.: *Higher School of Economics*.

² Sen, A. (1999). *Development as freedom*. Oxford: Oxford University Press.

³ Pritchett, L., Woolcock, M., Andrews, M. (2012). Capability traps in development: How initiatives to improve administrative systems succeed at failing. *Prism*, 3 (3), 63–74.

⁴ Firebaugh, G. (1992). Where does social change come from? Estimating the relative contributions of individual change and population turnover. *Population Research and Policy Review*, 11, 1–20.

примеру, необходимо оценить эффективность проведенной политики или выявить реальные изменения жизни людей в пределах одного поколения.

Поэтому необходимо адекватно оценить отдельные эффекты возраста, исторического периода и характеристик когорт (*APC — age-period-cohort*), через которые и раскрываются особенности социальных изменений. Иначе возможны ошибочные интерпретации сдвигов, происходящих в обществе.

Однако на практике дифференцировать эти компоненты, опираясь на объективные статистические критерии, проблематично. Эта трудность применения методов количественного анализа хорошо известна и представляет собой так называемую проблему идентификации¹. Она заключается в существовании линейной зависимости между эффектами возраста, когорты и исторического периода (это общая ситуация для трех или более независимых переменных, каждая из которых является линейной функцией других), что при включении их в модель в качестве предикторов приводит к мультиколлинеарности. Современные исследователи склоняются к выводу, что разграничить такие эффекты, даже если использовать иерархические статистические модели, корректно невозможно².

Хотя универсального метода идентификации основных компонентов изменений не существует, при решении определенных исследовательских задач социологи могут сталкиваться с такими ситуациями, когда размежевание части этих эффектов может оказаться реалистичным. Одной из такого рода ситуаций является исследование признаков, которые не изменяются непосредственно в силу возраста человека, и сделать это можно при помощи метода линейной декомпозиции тренда³. Это предположение является обоснованным при наличии значительных различий между поколениями, определяющихся особенностями их социализации⁴.

Этот метод не может претендовать на универсальность, однако при определенных условиях он будет весьма эффективным для установления природы отдельных трансформаций в обществе. Анализ данных будет заключаться в построении регрессивной модели, сопоставлении изменений и получении объективной статистической оценки различий внутри возрастных когорт и между ними за определенный период. Иначе говоря, такая декомпозиция обеспечивает ортогональное размежевание контекстуального компонента исторического периода и демографического компонента смены поколений в популяции. Это имеет смысл в том случае, когда исследователь фокусируется только на двух эффектах социальных изменений (из трехкомпонентного комплекса *APC*), а третьим эффектом можно пренебречь.

¹ Fosse, E., Winship C. (2019). Analyzing Age-Period-Cohort Data: A Review and Critique. *Annual Review of Sociology*, 45, 467–492.

² Bell, A., Jones, K. (2018). The hierarchical age-period-cohort model: Why does it find the results that it finds? *Quality & quantity*, 52 (2), 783–799.

³ Firebaugh, G. (1992). Where does social change come from? Estimating the relative contributions of individual change and population turnover. *Population Research and Policy Review*, 11, 1–20.

⁴ Савельев, Ю.Б. (2015). Когортный анализ и проблема разграничения компонентов социальных изменений: метод линейной декомпозиции тренда. *Социологические исследования*, 10, 130–135.

Изменение внутри каждой когорты (*intra-cohort change*), в котором проявляется эффект исторического периода, оценивается при помощи коэффициента регрессии предиктора, который представляет в модели временной интервал (измеряется как год проведения исследования). Интеркогортный компонент, отражающий фактическую смену когорт (*cohort replacement*), оценивается на основе коэффициента регрессии переменной, которая представляет принадлежность к когорте и измеряется как год рождения респондента¹. Отличительные и общие черты, являющиеся результатом социализации, противостоят (являются ортогональными) другим характеристикам, обусловленным общими для всех когорт контекстуальными факторами.

То есть при помощи метода линейной декомпозиции тренда решается проблема мультиколлинеарности факторов в регрессионной модели, так что можно объективно оценить компоненты социальных изменений и благодаря этому понять их природу, что очень важно, поскольку они могут означать либо приход новых поколений, отличающихся по своей социализации, либо существенные исторические события, одновременно повлиявшие на все возрастные когорты.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, Киев

Ситуация институциональной неустойчивости как фон запроса на агентность: связь с социальной напряженностью

Думаю, что с этой темой, касающейся связи агентов и институтов, мы попали в эпицентр длительных, прежде всего теоретических, социологических поисков, которые активизировались в последние десятилетия прошлого века и обозначались как дилемма структуры и действия, микро- и макродетерминизма, субъективного и объективного. Поиск интегративной, синтетической теории, которая бы объединила оба эти крыла, был провозглашен в ряду основных задач социологической науки. Этот поиск связан с именами социологов, давно уже признанных классиками социологической науки, — Дж. Александера, Р. Коллинза, Дж. Ритцера, Э. Гидденса, П. Бурдьё, П. Штомпки, М. Арчер, Дж. Коулмена, Ю. Хабермаса и др. И на данный момент эта тема не выглядит закрытой². Казалось бы, что еще здесь можно сказать, учитывая эти столь могучие фигуры? И вообще, можем ли мы отважиться хотя бы попытаться сказать что-либо свое именно в теоретическом плане? Я думаю, что можем. Мне представляются ошибочными наши установки на то, что все концептуальные предложения следует искать в западных достижениях, считая нашу социологию слишком молодой, чтобы иметь собственное мнение. Уверена — каждый социолог все же получает представления о социальном из собственных наблюдений. Его социологическое во-

---

¹ Firebaugh, G. (1992). Where does social change come from? Estimating the relative contributions of individual change and population turnover. *Population Research and Policy Review*, 11, 1–20.

² Куденко, О. (2019). Майбутнє соціології у світлі XIX Світового конгресу соціологів. *Всеукраїнський часопис “СВОЄ”*. URL: <https://svoje.wordpress.com/2019/10/29/>.

ображение подпитывается именно этим. Едва ли в социологическом воображении наших современных западных коллег есть что-то подобное тем событиям, которые переживает наша страна с ее кризисами, майданами, коррупцией и войной. Какая из западных теорий может нам это адекватно описать и объяснить? Когда нобелевский лауреат Д. Норт, рассуждая об институциональных изменениях, говорит, что суды и прокуратура — это организации, которые следят за выполнением институционально установленных правил, то разве это о наших судах и прокуратуре? Нам нужны такие теоретические модели, которые резонировали бы с нашей реальностью и, прежде всего, с ситуацией перманентного кризиса и революционности, которую и теоретически, и эмпирически нельзя исследовать при помощи тех инструментов, которые пригодны для эволюционных изменений, находящихся в центре внимания большинства западных теоретиков. И наша задача — попробовать наверстать этот теоретический пробел.

Мое предложение — идти путем приобщения к концептуализации парадигмы сложности, сочетая ее с сетевой и практическими теориями. На этих основаниях в моих публикациях в журнале “Социология: ТММ” предложена интегративная концепция социальной напряженности¹. Именно от социальной напряженности мы можем логически перейти к институциональной нестабильности, а отсюда — к анализу запроса на агентность как ответ на уровень напряженности.

В упомянутых публикациях выделено три диапазона социальной напряженности, нелинейно связанных между собой. Это означает, что от одного диапазона к другому общество переходит не постепенно, а скачкообразно, что обозначается как фазовые переходы. В каждом из этих состояний напряженности запрос на агентность будет разным. Эту разницу я предлагаю понятийно отобразить при помощи понятия *радиуса агентности*. Рассмотрим вкратце суть этих трех общественных состояний, отвечающих разным диапазонам напряженности.

Но сначала — что я имею в виду, говоря о социальных институтах? Под социальными институтами я понимаю ту систему правил социальных взаимодействий, которые задаются как формальной составляющей социальных институтов (законы, организации, приказы властей, постановления и т.п.), так и неформальными отношениями в рамках тех или других институтов, которые образуются самоорганизационно в дополнение к формальным. Это те реальные практики, в которые превращаются формальные порядки. Они далеко не всегда идентичны. Именно о стабильности/нестабильности совокупной системы институциональных правил мы и будем говорить.

1. *Состояние низкой напряженности*. Социальные институты достаточно стабильны в выполнении своих социальных функций. На мезоуровне это означает довольно стабильную сеть социальных взаимодействий, образующихся вокруг каждого человека, социальная ткань достаточно прочна. Существует относительно стабильная и рутинизированная система практик удовлетворения основных потребностей. И есть стабильная габитуальная настроенность на осуществление этих практик (микроуровень). Разруше-

¹ Бевзенко, Л. (2018). Интегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика (початок). *Соціологія: терія, методи, маркетинг*, 3, 43–74; 4, 73–104.

ние сетевых связей единичное, и точки разрыва социальной ткани тоже единичные. Именно в этих точках возникает запрос на агентность как способ преодоления этих эффектов разрушения социальной ткани, привычной конфигурации практик социальных взаимодействий и соответствующих габитуальных установок. Это малый радиус агентности, касающийся немногих членов общества и обеспечивающий решение проблемы скорее биографическим путем.

2. *Состояние средней напряженности.* Социальные институты уже не достаточно стабильны, заданные ими правила игры вариативны и не всегда эффективны в плане выполнения социальных функций, формальные и неформальные правила не всегда согласуются. Точки разрушения социальной ткани уже не единичные, и люди часто видят вокруг себя тех, кто оказался в схожей с ними ситуации. Запрос на агентность здесь уже иной, ее радиус уже больший. Теперь это востребованность лидеров, способных объединить усилия людей, сказать, что знают, как совместно искать выход. Поскольку здесь напряженность еще носит локальный характер, поддержки критической массы общества ожидать не следует, и агентность нацеливается на конструктивный диалог с властями, на попытку коррекции формальных правил в сторону приближения к реальным практикам. Принципиальных системных изменений эта агентность не требует. Радикалы здесь еще не приветствуются, существуют ожидания эволюционного улучшения, частичного ремонта системы. Агентами изменений здесь становятся те, кто может вывести людей на локальные протесты, предложить изменения в законы, подать коллективное заявление в суд или написать соответствующую петицию, которая бы имела эффект.

3. *Состояние высокой напряженности.* Социальные институты на грани коллапса в смысле своей функциональной дееспособности. Баланс согласованности между формальной и неформальными составляющими отсутствует. Социальная ткань отличается большими разрывами и становится крайне непрочной. Значительная и даже критическая масса людей в обществе находятся в этих точках разрывов, когда практики сетевых взаимодействий, позволявшие выстраивать общественную жизнь и удовлетворять свои потребности, разрушены. Радиус востребованности агентности становится еще большим. Здесь уже нужны лидеры масштаба всего общества, способные на революционные шаги. По отношению к власти это деструктивная, революционная агентность. Агентами становятся те, кто будет способствовать радикальной смене общественного порядка. В нашей стране это происходило неоднократно — либо через майданы, либо электоральным путем. Часто подобные события оказываются неожиданными, ведь этот фазовый переход происходит довольно быстро.

Что могло бы быть индикатором того или иного из названных состояний общества на его микроуровне, с которым мы и имеем дело в большинстве наших эмпирических исследований? Уверена, что в попытках рационального объяснения ситуации, предпринимаемых людьми, искать его следует очень осторожно. Особенно когда речь идет о ситуации высокой напряженности и социального кризиса. В этом случае на микроуровне мы имеем дело с габитуальным кризисом, который затрагивает глубинные психологические установки, и поэтому манифестирует себя прежде всего на эмоциональном, а не когнитивном уровне. Сопровождающая это палитра эмоций и чувств является палитрой отторжения действующего порядка. Из наиболее известных

чувств здесь можно назвать уровень доверия, поскольку его исследуют часто. Хотя внимания требуют и другие подобные эмоциональные состояния.

Нужно сказать, что парадигма сложности, соотносимая с микроуровневыми срезами социальной системы, сейчас активно привлекается к рассмотрению проблемы социального менеджмента¹. Изложенное здесь концептуальное предложение показывает, как именно это может работать в зависимости от актуальной социальной ситуации, и дает понимание того, что опасность и риски для социального менеджера кроются именно в скачкообразности фазовых системных переходов. Последнее требует соответствующих компетенций, не совпадающих с теми, которые производны от простых, линейных представлений об общественных изменениях и общественных трендах.

Блок 2. Агенты социальных изменений

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Субъектность и агентность в социальных изменениях

Нельзя сказать, что тема агентности вообще не исследуется в Украине. Существуют, например, весомые наработки в исследовании волонтерского движения как специфической разновидности агентности. Однако недостает целостного анализа действия разных агентов, приводящего к изменениям в ключевых областях жизни.

В целом проблема агентности принадлежит к наиболее теоретически востребованным и активно обсуждаемым в современной социологии. В дискуссии об агентности, которая развернулась вокруг известной дихотомии Гидденса об агентности и структуре, приняли участие практически все тяжеловесы социологического метатеоретизирования — от Александра, который считал, что следует разобраться с путаницей между актором и агентом², до Коллинза, по мнению которого риторика агентства / структуры “является концептуальным пустословием”³. Тем не менее в основном в дискурсе был достигнут консенсус в духе Гидденса касательно поддержки преодоления строгого дуализма между агентством и структурой и признания необходимости концептуального сочетания в анализе как свободы, так и ограничений.

В то же время переход от концепта агентности к конкретным агентам убедительно иллюстрирует весьма слабую связь между высокой теорией и

¹ El-Ghalayini, Y. (2017). Complexity Theory: A New Way to Look at New Public Management. *Network and Complex Systems*, 7, 1, 6–10. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ab4e/4d086b3b661cbccaf2c9e76e8d557038b89b.pdf>.

² Alexander, J.C. (1992). Some Remarks on Agency in Recent Sociological Theory. *Perspectives*, 15 (1), 1–4.

³ Collins, R. (1992). The Romanticism of Agency/Structure Versus the Analysis of Micro/Macro. *Current Sociology*, 40, 77–97.

эмпирией. В исследованиях разных социальных сфер появляются различные наборы агентов, которых выделяют по разным признакам, а их действия описываются разными теоретическими схемами. Например, под экономическими агентами исследователи понимают субъектов экономических отношений, которые участвуют в производстве, распределении, обмене и потреблении экономических благ. Уже само отождествление субъекта и агента фактически игнорирует огромную дискуссию между теоретиками по поводу линий размежевания между “агентом”, “актором” и “субъектом”. В частности, согласно Бурдье, это различие носит принципиальный характер, поскольку субъектом управляет структура, тогда как агенты осуществляют определенные стратегии, однако их свободные действия приводят к тому, что они (часто неосознанно) воспроизводят социальную структуру.

В широком смысле агентами социальных изменений являются индивидуальные и коллективные деятели разного рода. Штомпка относит к ним: 1) индивидов, обладающих особыми качествами (знания, компетенции, талант, “харизма”), и либо действуют в интересах других, либо манипулируют ими. Это лидеры, пророки, идеологи, государственные деятели, диктаторы, тираны и т.п.; 2) тех, кто занимает позиции, обеспечивающие особые полномочия (но не обязательно обладают исключительными личностными качествами); роль таких людей (правителя, законодателя, менеджера, полицейского и т.п.) требует действий, которые определяют судьбу других; 3) социальные движения, являющиеся настоящей причиной, агентами (субъектами) социальных изменений, а не просто эманацией (“завершением”) самостоятельных исторических процессов. Они вырабатывают, конструируют, преобразуют и осуществляют революции, а не играют предложенные роли. Таким образом, они не появляются автоматически в нужный момент, а активно рекрутируют и мобилизуют своих сторонников, борются не за установленный “финал истории”, а за особые цели, которые выбирают осознанно¹.

Как видим, Штомпка использует понятия агентов и субъектов как синонимы, однако по смыслу его понимание близко к видению Бурдье, который различал субъектов и агентов, чтобы отделить действия, порожденные структурой, от действий, порожденных агентами и направленных на ее (структуру) преобразование. В этом смысле субъекты Штомпки действительно представляют собой синонимы агентов Бурдье, по мнению которого история становится историей только тогда, когда за ее осуществление берется агент, которых к этому склоняет их собственная история.

Если обратиться к типологии действий, которые могут обуславливать социальные изменения, можно увидеть, что, например, субъекты гражданских практик в условиях неустойчивой институциональности будут представлены на всем континууме подобных действий. Их мотивация частично будет погружена в частные мотивы и намерения, однако в условиях утраты постоянной нормативной регуляции продуцируемые ими новые практики будут иметь заметный социальный резонанс. Движение по континууму в сторону коллективных практик фиксирует далее протестные действия, которые также “запускают” субъекты гражданских практик. На следующем отрезке континуума стихийное коллективное поведение превращается, опять-таки при участии субъектов гражданских практик, в коллективные

---

¹ Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс.

действия, носящие целенаправленный, скоординированный характер (митинги, манифестации и т.п.), и наконец субъекты гражданских практик становятся активными участниками политических действий в борьбе за власть (например, проводят кампанию за отмену выборов).

Такая сквозная линия субъектности на континууме разных способов действий свидетельствует о том, что в условиях неустойчивой институциональности весьма сложно достичь методологической чистоты, различая психологические и социологические аспекты. Попытки Бхаскара четко разграничить сферы социальной и психологической науки, отмежевав человеческие действия, вызываемые сугубо личными соображениями и планами, от тех, что продуцируются в ходе воспроизводства и трансформаций социальной структуры, вряд ли можно реализовать в исследовании агентов социальных изменений¹. При этом более перспективным видится комплексный междисциплинарный подход, в котором агентность представлена как комплексное многомерное явление в сочетании структурного и личностного аспектов.

Нужно отметить, что современная линия исследования агентности тесно связана с социально-психологическими исследованиями. Активно продвигается идея о том, что агентство как социологическая переменная не может быть адекватно осмыслена, если мы не будем опираться на модель личности, ситуации и жизненного пути за пределами агентства². Агентство перестает быть абстрактным свойством, его пытаются измерить и концептуализировать, прежде чем положить в основу социологических исследований, моделирующих взаимодействие между общественными структурами и индивидами. Соответственно, важным направлением исследования должно быть выяснение того, каким образом субъекты практик становятся агентами социальных преобразований. Для этого стоит обратиться к анализу опыта людей, вовлеченных в различные виды общественной активности. По моему мнению, среди ключевых показателей, которые будут характеризовать особенности личностной вовлеченности в агентность, необходимо выделить следующие: агенты вовлеченности (люди, идеи, группы, движения); стимулы участия (ожидаемые личностные и общественные выгоды); роль социальных аттракторов в развертывании агентности; личностные изменения и достижения.

АЛЛА ПЕТРЕНКО-ЛЫСАК,

кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой социологии факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Мобильные агенты “эпохи текучих изменений”

Современные изменчивости социума детерминированы технико-технологическими инновациями и мобильными портативными средствами, определяющими нынешние социальные взаимоотношения. Мобильность социальных субъектов/агентов современности — это способность опера-

¹ Bhaskar, R. (1989). *Reclaiming Reality: a Critical Introduction to Contemporary Philosophy*. London: Verso.

² Hitlin, S., Long, Ch. (2009). Agency as a Sociological Variable: A Preliminary Model of Individuals, Situations, and the Life Course. *Sociology Compass*, 3 (1). P. 137–160.

тивно перемещаться в социальном или физическом пространстве ради выполнения разнообразных социальных задач и удовлетворения социальных или индивидуальных потребностей, не сосредоточиваясь при этом на проблеме преодоления пространства. Истинно мобильным агентом современности является тот, кто обладает практиками кибервиртуальных технологий, позволяющих свободно и быстро определять финансовые, экономические, политические, культурные, конъюнктурные и прочие условности или обстоятельства для дальнейших действий, направленных на достижение желаемого эффекта или результата.

Непостоянства современного социума связаны с новейшими практиками мобильности, которая уже становится критерием новейших социальных расслоений. Ведь те, кто обладают свободными практиками перемещений, получают, соответственно, большие социальные дивиденды и эффективнее накапливают собственный социальный капитал. У. Бек отметил поляризацию людей на глобализированных богатых, которым подвластно пространство и не хватает времени, и локализованных бедных, привязанных к определенному пространству и не владеющих своим временем (у З. Баумана это “туристы” и “бродяги”). Скорость перемещения становится важным, а нередко и определяющим фактором социальной стратификации и иерархии, а основным источником доходов все в большей мере становятся идеи, а не материальные предметы. “Люди, которые двигаются и действуют быстрее и в большей мере близки к мгновенности перемещения, теперь и есть теми, кто правит. Тогда как люди, которыми правят, не могут передвигаться столь же быстро; и, еще более очевидно, составляют категорию людей, которые вообще не могут по собственному желанию оставить свое место. Доминирование заключается в способности выскальзывать, отдаляться, “быть где-то в другом месте” и в праве выбирать скорость собственного перемещения, лишая тем самым доминированных людей способности останавливать, ограничивать передвижение или притормаживать эти перемещения. <...> Неравенство в доступе к мгновенности является важнейшей среди современных версий этой вечной и незыблемой основы социального деления во всех ее исторически меняющихся формах; неравный доступ к непредсказуемости, и соответственно, к свободе”¹.

Кто же он такой — мобильный агент современности? Какой смысл мы вкладываем в вопрос “Мобильный ли ты человек?”, какой ответ мы хотим услышать, о каких характеристиках личности мы спрашиваем? Удовлетворяют ли нас предлагаемые на выбор ответы:

Я легко переезжаю с места на место.

Я пользуюсь мобильным телефоном/интернетом.

Я легок на подъем.

Я имею три работы и все успеваю.

Я не заикливаюсь на конкретной мысли/деле/человеке.

Я легко завожу знакомства.

Я могу легко переключаться с одного дела на другое.

Я гибкий в принятии решений.

Я непоседливый.

---

¹ Бауман, З. (2008). *Текущая современность* (с. 130–131). Санкт-Петербург: Питер.

Мобильные практики современности требуют от людей владения навыками и неограниченными возможностями пользования устройствами информации и связи последних поколений, знания иностранных языков, умения разбираться в международном праве; им нужно иметь образование и быть технически грамотными. В частности, следует отметить такие “роли” мобильного агента, как “отправитель” и “получатель”, основанные на практиках перемещения информации, ресурсов и капиталов. Среди технологий, стимулировавших распространение мобильных практик и появление новых статусов, были сервис мобильной связи и интернет, которые постепенно, но уверенно изменяют социальное пространство.

Одним из “подвидов” людей современности является *Homo mobilis* — человек мобильный — социальный тип личности, выделяющийся широкоплановым использованием портативных мобильных устройств и соответствующих сервисов в системе индивидуальных и социальных практик. Мобильное, передвижническое, кочевое сознание *Homo mobilis* ценит прежде всего алокальность, легкость выбора альтернативы на сдвиги, скорость видоизменений, инновационность, эмоциональность и чувствительность.

Homo mobilis — “кочевник современности” — это человек, практики мобильности которого являются не только образом и стилем жизни, но и новейшим маркером социального неравенства. Жизнь современного кочевника не измеряется количеством прожитых лет, банковским счетом или квадратными метрами жилья и социально-экономической весомостью марки автомобиля, — она исчисляется, исходя из пройденного пути социально-пространственных передвижений, полученного социального опыта, репутации “гибкого человека”, территориально свободного гражданина, к чему нужно добавить еще политические, экономические и культурно-религиозные свободы.

Ж. Атали рассматривает современный номадизм не как субкультуру, а как образ жизни человека XXI века, который не связан институциональными нормами семьи и государства и даже собственным именем, важнее которого становятся уникальные идентификационные номера банковских карт, удостоверений личности и т.п. со стоящей за ними информацией. Так, для новейших кочевников главное — это их положительная репутация мобильности (например, чтобы получить визу для въезда в большинство стран мира, необходимо подать в консульство/посольство информацию о времени и путях предыдущих пространственных перемещений и подтверждение финансовой состоятельности за определенный период времени).

Среди современных номадов особого внимания заслуживают так называемые knowmads — но(у)мады — работники-кочевники из сферы знаний и инноваций, креативные люди с богатым воображением, которые могут работать практически с каждым, когда и где угодно. Но(у)мадов ценят прежде всего за те персональные знания, которыми они обладают; а осознание этого обеспечивает им конкурентное преимущество в социальных и рабочих ситуациях. Но(у)мады постоянно реконфигурируют и реконтекстуализируют свое окружение и свои рабочие отношения. Мобильность, которую обеспечивают новые технологии, открывает перед ними новые возможности. Основными характеристиками но(у)мадов являются неограниченность возрастом; приобретение личных знаний при помощи сбора информации и опыта, использование их для создания новых идей; “забывание” старых знаний столь же быстрое, как и обучение новым, или адаптирование старых

идей к новым практикам; для них привычно постоянно учиться; они умеют применять свои идеи и опыт в контексте разных социальных и организационных изменений; имеют высокую мотивацию к сотрудничеству; легко обходят сети в организациях, где нет иерархий; используют новые технологии целенаправленно для решения обнаруженных проблем и преодоления географических ограничений; открыто делятся тем, что знают, поддерживают открытый доступ к информации, знаниям и опыту других; имеют крайне низкое чувство страха перед неудачами.

Итак, изменчивости современной социальности, будучи одним из основных признаков ее жизнеспособности, характеризуют современный социум как высокодинамичный и не менее стратифицированный, чем предыдущие иерархии. В этих новых неравенствах все более заметно проступает Homo mobilis — человек мобильный — новейший кочевой агент современности.

НАТАЛЬЯ СОБОЛЕВА,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социальный активизм в обществе неустойчивой институциональности: агенты влияния и агенты изменений

Нестабильность люди переживают как “нарушение течения жизни”, как плохо контролируемые и непонятные ситуации, отягощенные конфликтами и опасностями. Отдельные индивиды, группы, а также и властные структуры воспринимают ситуацию как нестабильную, а значит, потенциально угрожающую, опасную в тех случаях, когда они не знают и/или не понимают, что именно происходит; не могут интерпретировать события в привычных для себя понятиях и категориях; имеют мало времени и возможностей для получения и истолкования необходимой информации; не контролируют происходящее или не оказывают достаточного влияния на это.

Социальная нестабильность с высокой вероятностью распространяется на все сектора и сегменты общества и тем самым открывает двери для изменений. В таких условиях усиливается роль мотивированных активных субъектов социальных действий. Именно они своей практической деятельностью преобразуют социальные условия и формы не только собственного, но и общественного бытия. Действия агентов изменений относительно свободны от диктата социальной структуры и в определенной мере независимы от динамики социального контекста, в который они вовлечены в качестве его составляющих, и вследствие своего новаторского характера могут одновременно выступать фактором общественных преобразований.

Социальные изменения в нашем понимании — переход того или иного элемента социальной системы либо целой системы из одного агрегатного состояния в другое, из одной стадии развития в другую, трансформации, происходящие в социальных сообществах, группах, институтах в течение некоторого времени. При этом различия между прежним и нынешним состоянием любого социального объекта становятся заметными и могут быть подвергнуты социальной экспертизе. Такие изменения могут осуществляться на уровне межличностных отношений; малых и больших социальных групп; социальных организаций и институтов; общества и социума в целом.

Одной из ключевых проблем на пути трансформации является сопротивление изменениям со стороны широких масс. Людей, не прибегающих к активным действиям в связи с внедрением нововведений, несравнимо больше, нежели сторонников изменений, при этом желающих изменений гораздо больше, чем тех, кто согласен что-то менять и изменяться сам. Соответственно в исследованиях агентности следует различать агентов изменений и агентов влияния.

Агент изменений (деятель, действующее лицо, производитель действия, субъект действия) — это инициатор, “энерджайзер”, субъект действия и ответственный исполнитель одновременно, будь то индивидуальный или коллективный актер. Это активный, наделенный сознанием и волей непосредственный участник ситуации, который затрачивает в процессе действия собственную энергию и ресурсы и несет ответственность за результаты своей активности.

Агентами изменений могут быть персоны (отдельные индивиды), коллективы, общности и сообщества, разные социальные группы, институционализированные и неинституционализированные организации и структуры, общественные движения, основное занятие которых заключается в поддержке и контроле процесса преобразований. Речь идет о таких акторах, которые решают для себя и исполняют решения о преобразованиях, действуют, воплощают решения на практике. Агенты изменений обычно специализируются в той или иной сфере общественной деятельности.

Независимо от нюансов толкования “агентности” как таковой, агент как деятельный субъект имеет определенную картину мира, своего места в нем, представления о “значимых других”. Агент определенным образом интерпретирует свою историю и конструирует образ будущего. При этом лидерства достигает тот игрок, который максимизирует ресурсы, наиболее рационально их использует и активно влияет на формирование “правил игры”.

Основные функции агентов изменений таковы:

- продуцирование и трансляция главных стратегических задач, ценностей и смыслов (значений) социального развития;
- поддержка и контроль процессов преобразований;
- информирование населения о происходящих изменениях, разъяснение их причин и особенностей;
- приобщение широких масс населения к изменениям и реализации поставленных задач;
- передача необходимых знаний (образование) и обучение соответствующим навыкам, необходимым в новых ситуациях.

Социальные агенты изменений в плане перечисленных функций специализируются на: 1) аналитической деятельности и генерировании идей (ответственные за оценку ситуации и обоснование необходимости изменений, определение целей и основных направлений и форм предполагаемых изменений); 2) поддержке и контроле за ходом процессов преобразований (проводники и исполнители); 3) подготовке и обучении исполнителей, передаче специальных знаний и навыков (наставники и тренеры); 4) информировании и обучении широких слоев населения, направлении, ходе и результатах преобразований (трансляторы).

Таким образом, агенты изменений — это индивидуальные и коллективные акторы, социально активные субъекты разного уровня компетенции и

специализации, являющиеся проводниками миссий, ценностей, стратегий, целей и принципов стабильного функционирования и развития общества и поддержания в нем социального порядка, то есть это своего рода “социальные эксперты”, имеющие собственное видение стратегических и ситуативных проблем развития общества и предлагающие практические решения для преодоления этих проблем, а также непосредственно вовлеченные в процесс реализации социальных изменений.

В отличие от агента изменений агент влияния — это субъект-актор, способствующий социальным изменениям, действующий в интересах субъектов, которые непосредственно стимулируют и реализуют изменения, принимающий косвенное участие в координации преобразований. Формы и масштаб активности и степень ответственности у агентов влияния отличаются от активизма агентов изменений.

Агент влияния — субъект, распространяющий свои идеи или идеи другого человека, организации, партии в среде людей, не являющихся адептами этих взглядов и не принадлежащих к этой организации или партии. Активность агента влияния направлена не на сами изменения, а на изменение взглядов, ориентаций коллег, последователей, слушателей, потребителей, чтобы они естественным образом склонялись к лоббируемым им позициям и соответствующим решениям по воплощению этих идей в практической деятельности неофитов.

Основными функциями агентов влияния являются:

- привлечение к общению наибольшего количества потенциальных адептов;
- распространение в неявной, ненавязчивой, опосредованной форме определенной информации о предлагаемых идеях, взглядах, ценностях и формировании соответствующих ориентиров поведения;
- повышение лояльности к отстаиваемым объектам;
- мотивирование к осуществлению тех или иных действий (потребления, голосования и т.п.);
- нейтрализация негатива, сопровождающего изменения и преобразования в результате нарушения привычного течения и ритма жизни, выхода из зоны комфорта, социальной дестабилизации.

Агентами влияния могут выступать любые референтные субъекты, способные влиять на общественное мнение и мнение отдельных групп людей, формировать мировоззрение, — лидеры государств, общественные деятели, не принадлежащие к властным структурам, ведущим политическим партиям и организациям, деятели культуры и религии, моральные авторитеты, лидеры общественного мнения, популярные ведущие в СМИ, владельцы информационных потоков, ресурсов. Лоббисты, пропагандисты, вербовщики, специалисты по маркетингу и рекламе, популярные блогеры (владельцы личных аккаунтов в социальных сетях, страницы которых насчитывают сотни и тысячи подписчиков) — все это примеры агентов влияния. Их сообщения могут не содержать прямых призывов к каким-либо конкретным действиям, информация подается в ненавязчивой, скрытой форме. Агенты влияния не транслируют императивы, а чаще всего предлагают информацию для размышлений, приглашают к свободному обмену мнениями, предложениями, рекомендациями, отзывами в различных сообществах, средах массовой информации, на форумах и в соцсетях. В свободном обсуждении про-

дукта (идей, ценностей, образцов поведения, товаров и т.п.), продвигаемого таким образом, с потенциальными сторонниками и последователями они формируют у людей потребность реагировать и действовать определенным образом, принимать соответствующие решения.

Блок 3. Социальные направления агентной активности

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Институт деловой активности как агент общественных преобразований

Рассматривая роль бизнеса в общественных изменениях, нужно сориентироваться в отношении ряда основоположных понятий. Прежде всего речь идет об институте как фундаментальной категории социологии. В социологии до сих пор существуют расхождения в интерпретации институтов; критериями их определения считаются совокупности элементов разного уровня, формы их упорядоченности, выполняемые функции, принадлежность к тем или иным областям общественной жизни и т.п. Один из подходов делает ударение на организационном моменте: например, по мнению В.Л. Оссовского, институт появляется тогда, когда созданы коллективный субъект, то есть группа лиц, способных выполнять определенные нормативно-целевые действия, форма организации соответствующих действий, комплекс учреждений с соответствующим общественным статусом, вооруженных такими орудиями, которые позволяют развернуть в культурном поле деятельность в отношении прокламируемых потребностей общества или группы. С позиций нынешнего дня к специальным признакам института (устойчивости, культурной легитимности, нацеленности на решение соответствующих статусу института проблем) я бы добавил вмонтированность института в систему соответствующих практик.

Не углубляясь далее, замечу, что социальный институт является способом организации и регулирования общественной жизни, направленным на создание и дальнейшее воспроизводство стойкого социального порядка путем упорядочения и субординирования ценностей, целей и способов их достижения, норм, предписаний, ролей, практик, паттернов, стереотипов, образцов поведения.

Что касается бизнеса, то есть предпринимательства, то сразу же бросается в глаза его многоликость и разноплановость, обуславливающая некую аморфность его определения, которое можно сформулировать как деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Сферы бизнеса охватывают преобладающую часть человеческой жизни, распространяясь даже на те предметы, процессы и явления, которые традиционно не принадлежали к сфере бизнес-интересов (науку, культурно-зрелищные мероприятия, искусство, образование, спорт, информатизацию и т.п.). Бизнес отличается по масштабам (количеству и объему произведенного, задействованным

ресурсам, количеству работников, структуре) и отраслям (производство, финансы, торгово-коммерческая деятельность, транспортные услуги и т.п.). Бизнес-деятельность имеет сложную внутреннюю структуру, в которую входят: производство, финансирование, бухгалтерский учет, кадры, безопасность, реализация продукции и услуг, маркетинг, реклама, инновационная деятельность, пиар и информационные технологии, социальная ответственность бизнеса и т.п.

Сложность, разнородность и разновекторность бизнес-деятельности подчеркивают противоречивый характер бизнеса как института. С одной стороны, лейтмотивом бизнеса является получение и накопление прибыли. Приоритетность соответствующей институциональной системы норм и ценностей, которые искривляют человека, становясь универсальным критерием оценки жизненного успеха, многократно освещали в мировой литературе, где по мере таланта автора обрисовывали “хищный оскал капитализма”, “одномерность человека бизнеса” (“Боливар не вынесет двоих”, “Делай деньги, делай деньги, все остальное — ерунда”) и т.п.

Однако упрощенное понимание сути института бизнеса наталкивается не только на нравственные флуктуации, но и, прежде всего, на правовые юрисдикции, которые могут определяться в соответствии с формами собственности, которые может принимать бизнес. Многогранность бизнеса может отразиться в агентной природе и инновационных функциях, к которым поневоле оказывается причастным бизнес.

Институт предпринимательства обозначает не какую-то, пусть даже привычную и разветвленную, часть экономической сферы. Это характерный способ осмысления действительности, способ жизнедеятельности. Инициированные Лидией Васильевной Сохань исследования жизнестворчества опередили свое время, ведь в тот период существовало разве что его бледное подобие — “социалистическая предприимчивость”, такая же нежизнеспособная, как и “социалистическое соревнование”, лишенное настоящих конкурентных мотивов (что не помешало защитить обществоведам сотни бессодержательных диссертаций по этой тематике). Бизнес является тем полем, на котором творческий порыв тогда смыкался с мощным, хоть и не одобряемым господствовавшей социалистической моралью, влечением к прибыли. Так что бизнес неоспоримо является институтом, но институтом особым, открывающим широчайшие перспективы для самореализации. Поэтому считаю, что нужно предложить еще одну классификацию социальных институтов — в зависимости от тех творческих возможностей, которые открывает тот или иной институт. Разумеется, ни одна область человеческой деятельности не обходится без рутины; рутинизация является таким же важным социальным механизмом, как и инновация. Трудно представить себе человека, который всю жизнь провел за прилавком мелкой лавочки, среди тех, кто отличается склонностью к жизнестворчеству. Однако, оценивая разные социальные институты по шкале “рутинных vs творческих” возможностей, бизнес следует отнести именно к инновационно ориентированным институтам.

Приведу мнение Грегори Диза, директора Центра развития социального предпринимательства Дюкского университета (США). Он полагает, что социальный предприниматель играет роль агента социальных изменений, потому что, во-первых, возлагает на себя миссию по созданию и поддержке определенных социальных ценностей, во-вторых, находится в постоянном поиске и реализации новых возможностей для осуществления этой миссии, в-третьих, во-

влечен в непрерывный процесс адаптации, инновации и обучения, в-четвертых, действует решительно, не ограничивая себя только теми ресурсами, которые имеет на данный момент, в-пятых, демонстрирует наивысшую ответственность по отношению к своим клиентам и к результатам своей работы.

Следует отметить еще одну черту современного подхода к социологическому осмыслению института предпринимательства: акцентирование понятия возможностей. П. Друкер, работающий в этом направлении, замечает, что ключевым для предпринимателя и предпринимательства является то, что предприниматель всегда ищет изменения, реагирует на них и использует как возможность. В этом мне видится позитивный характер мышления, которое становится характерным для новейшего бизнесмена: последствия изменений трактуются не как проблема, а как ресурс, возможность для дальнейшего использования.

В Украине, в условиях длительной аномии, возможности бизнеса еще меньше скованы институциональным окостенением. В “распатанности” общественных предпосылок как раз и кроется большая степень свободы при использовании возможностей. В какой мере отечественный бизнес воспользуется обстоятельствами, не повторяя путь к становлению цивилизованного предпринимательства через этап “дикого капитализма”, — покажет время.

ОЛЬГА БЕЗРУКОВА,

доктор социологических наук, доцент кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Украинские избиратели как агенты общественно-политических изменений

Проблема понимания электорального поведения и возможностей его прогнозирования всегда была актуальной. Одной из важнейших задач избирательной кампании любого политика является целенаправленная работа с теми социальными группами, от которых в наибольшей степени зависит расширение его электоральной базы. Успехи американских и британских электоральных исследований по созданию портретов избирателей побуждают украинских исследователей к более глубокому изучению электоральных групп, являющихся весомым агентом общественно-политических изменений в государстве. В противовес унифицированным обращениям к избирателям, что свойственно посттоталитарным государствам, ныне активно внедряется в политическую практику идея индивидуализации политических влияний и их таргетирования. Поэтому большой практический интерес представляет проблема эффективности политической коммуникации и политических влияний на группы электората, которые уже неоднократно доказывали, что способны своими действиями существенно менять не только политические элиты, но даже общий курс развития страны.

Нам известны классические подходы к пониманию поведения избирателей, представленные в научной литературе: социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный. Суть социологического подхода в том, что политический выбор личности определяется ее принадлежностью к определенным социальным группам. Представители социально-психологической концепции считают определяющим в рамках

голосования фактор идентификации человека с партиями, политическими лидерами, идеями и ценностями, которые те провозглашают и олицетворяют. Таким образом, избиратель голосует на почве эмоциональной поддержки личности кандидата или политической силы. Фундаментальное положение рационально-инструментальной теории заключается в том, что личность выбирает ту политическую силу, которая обеспечит ей, как она надеется, больше выгоды, чем другие.

Базовыми основаниями для типологизации электората, которые мы традиционно используем, являются социально-демографические критерии (регион проживания, тип поселения, пол, возраст, уровень образования, уровень дохода и т.п.). Их в основном используют для фиксации результатов электоральных исследований, однако они имеют весьма ограниченный прогностический потенциал.

Социально-психологические критерии разделения всей совокупности избирателей на определенные группы в исследованиях электората представлены меньше, и, как правило, в конкретном исследовании типологизация электората осуществляется на основе нескольких относительно независимых диспозиций, без охвата всего возможного количества переменных. В электоральных исследованиях группы избирателей выделяются по самым разным критериям. Среди наиболее применимых можно назвать следующие: вероятность участия в выборах, уровень информированности о дате выборов, их участниках, степень определенности и устойчивости электоральных симпатий, уровень осознанности электорального выбора, степень чувствительности к влияниям, уровень политической вовлеченности, содержание ведущих мотивов избирателя.

Предлагаемый нами подход акцентирует внимание на социально-психологических критериях типологизации электоральных групп и определении на этой основе социально-психологических профилей украинских избирателей во время президентской кампании 2019 года. По нашему мнению, этот подход поможет содержательно подойти к пониманию агентности электората. Мы использовали комплекс методов: экспертный опрос; метод семантического дифференциала; метод сортировки Миллера; контент-анализ; статистические методы.

Контент-анализ интервью позволил выявить 72 уникальных характеристики украинских избирателей, по которым, как полагают эксперты, дифференцируются украинские избиратели. Мы сгруппировали эти характеристики по областям описания, к которым они относятся, и подсчитывали удельный вес каждой из этих областей. Критерий “патриотизма” или “проукраинской/пророссийской ориентации” избирателей является первым по частоте упоминания. Вторым стало “отношение к изменениям” с полюсами “консерватизма” и “прогрессивности”. Третьим — “запрос на изменения”.

Семантический дифференциал позволил получить развернутые социально-психологические профили сторонников определенных кандидатов, а также групп абсентеистов и протестного электората. Кроме того, это дало возможность не только описать электораты, но и сравнить их. Было выявлено существенное сходство людей, представляющих категории абсентеистов и протестного электората.

Зафиксировано оцутимое различие по многим заложенным критериям электоратов участников второго тура президентских выборов в Украине 2019 года. По мнению экспертов, избиратели П. Порошенко склонны голосовать

“головой”, критически относятся к своему кандидату, трезво оценивают его преимущества и недостатки, хорошо представляют последствия избрания его президентом; выбор кандидата определяется его прежними заслугами. Избиратели В. Зеленского, напротив, голосуют скорее “сердцем”, переоценивают своего кандидата и возлагают на него явно завышенные надежды; последствий избрания его президентом не представляют себе; выбор кандидата определяется собственно теми надеждами, которые на него возлагаются.

Наряду с этим семантический дифференциал позволил кластеризировать электоральные группы и получить усредненные значения шкал семантического дифференциала по выделенным кластерам. Данные, полученные по результатам сортировки Миллера, также дали возможность кластеризовать электораты 44 кандидатов в президенты. Ожидаемо мы получили некую “братскую могилу” из электоратов кандидатов, набравших очень мало голосов на выборах. Повторная кластеризация электоратов 23 кандидатов (без учета 21 кандидата без рейтинга) дала более детальную картину и доказала, что наполнение выделенных групп довольно устойчивое. Следовательно, результаты кластеризаций дают основания предложить группирование украинских избирателей:

- “Бывшие регионалы” (избиратели Ю. Бойко, А. Вилкула и Е. Мураева; к ним же тяготеют избиратели С. Таруты).
- “Умеренные теоретики-утописты” (приверженцы Р. Бессмертного, О. Богомолец, Д. Добродомова, Ю. Карамзина, А. Мороза и А. Шевченко).
- “Радикальные легководы” (сторонники О. Ляшко и Ю. Тимошенко).
- “Антисистемные деструкторы” (приверженцы В. Зеленского).
- “Безрассудные алогисты” (сторонники Г. Балашова, И. Богословской, С. Каплина и И. Кивы).
- “Паттернальные тоталитаристы” (приверженцы А. Гриценко, И. Смешко, В. Наливайченко; к ним же тяготеет электорат А. Садового).
- “Национал-патриотические пассионарии” (сторонники П. Порошенко и Р. Кошулинского).
- “Индиifferentные уклонисты” (абсентеисты, избиратели, испортившие бюллетень, и те, кто проголосовал за очевидных аутсайдеров, руководствуясь протестными мотивами).

Результаты такого рода исследований помогут в формировании портрета украинского избирателя с учетом наработок как традиционных, так и новейших подходов к группированию электорального поля и пониманию электорального ядра поддержки конкретного кандидата. Ведь именно политически активные граждане уже неоднократно доказывали, что являются носителями динамичного, творческого начала в определении направлений общественных преобразований в государстве.

МАКСИМ ПАРАЩЕВИН,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Архаические агенты социальных изменений

Общественные изменения обычно происходят только тогда, когда для них подготовлена определенная почва, когда общество (в целом или ка-

кая-то заметная его часть) к ним готово. Эта готовность может иметь разный источник — материальный (способ производства, производительные силы, технический уровень) или духовный (ценностные ориентации, определяющие восприятие себя и окружающего мира), но без такой готовности изменения либо не будут происходить, либо будут носить ограниченный характер. Соответственно субъектом социальных изменений становится тот, кто больше всего отвечает сложившимся условиям, общественному запросу. Скажем, в США никакие действия, направленные на обеспечение расового равенства, не были успешными до тех пор, пока подавляющее большинство населения не приняло соответствующую позицию.

В условиях перехода к эпохе модерна основными субъектами изменений становились те, кто был носителем именно современных систем отношений, отрицавших отношения средневековые, феодальные (то есть буржуазия, пролетариат, бюрократия, современное государство, массовые политические движения и т.п.). Последние десятилетия стали временем кризиса проекта Модерна, происходит процесс формирования какой-то новой конфигурации доминирующих парадигм существования, причем эта конфигурация предполагает не только дальнейшее развитие, прогресс общественных отношений, но и определенный регресс. Следовательно, классические современные социальные субъекты могут частично терять свою значимость, тогда как может усиливаться значимость тех субъектов, для которых базовыми являются не современные, а домодерные, архаические ценности. Такие акторы обычно не отрицают полностью достижений Модерна, системы общественных отношений, которую он продуцирует, но считают, что эти отношения должны быть существенно скорректированы. Это архаические социальные агенты, у которых содержательное идейное ядро коренится в далеком прошлом, что и определяет их стремление к изменению общества именно посредством восстановления прежних образцов.

Рост активности и возможностей архаических агентов связан, прежде всего, с таким проявлением кризиса Модерна, как архаизация общества. В принципе стремление к изменениям могут приобретать прогрессистский характер, но попытка создать нечто новое может обернуться движением в направлении регрессии к старому, к тому, что было ранее. Речь идет об ориентации на архаизацию общественных отношений (А. Ахиезер), то есть о возврате к прежним ценностям и моделям поведения, общественным институтам, которые оправдали себя в прошлом. Архаические ценности противоречат ценностям современным и с точки зрения мировоззрения (фатализм, коллективизм, ограничение а то и полное отрицание свободы личности и ценности отдельного индивида, ориентация на высшие силы и сакральные основания социальной и личной жизни, на прошлое, стабильность и т.п.), и с точки зрения социальных связей (персонализация отношений, преобладание их эмоциональной составляющей, ориентация не на четкий закон, а на некие размытые “правду” и “справедливость”), и, наконец, с точки зрения властных отношений (патернализм, построение отношений не на формальных, выписанных процедурах, а на личных патрон-клиентских отношениях, авторитаризм).

Привлекательность архаики определяется как большей ее простотой и понятностью, так и неспособностью Модерна оправдать слишком высокие ожидания, которые на него возлагали те, кто принимал его ценности. Соответственно ориентации на архаизацию будут различаться в зависимости от степени успешности современных трансформаций и общего интеллектуально-

го уровня в обществе. И мы видим, что архаизация имеет весьма ограниченные успехи в развитых, богатых обществах, но оказывается довольно распространённой в тех обществах, где модернизация не дала ожидаемых материальных достижений, но при этом создавала угрозу нравственным устоям общества. Поэтому рост популярности архаических ценностей и выстроенных на них систем отношений создаёт возможности для активизации тех социальных субъектов и агентов, которые черпают свою легитимность и идеологию из архаических обществ.

При этом следует различать архаических агентов социальных изменений и агентов архаизации. В частности, вторые сами не обязательно являются архаическими. Ведь есть агенты, которые объективно способствуют архаизации, но не ставят перед собою такой задачи, и сами оказываются в полной мере современными. Например, современные СМИ нередко распространяют разнообразную информацию, которая носит антинаучный характер, формирует искажённое представление о мире, возрождает старые предрассудки и мифы (разнообразные шоу с экстрасенсами и т.п.). Такого рода действия однозначно способствуют архаизации массового сознания и, соответственно, общества, однако вряд ли это является сознательным намерением и системной политикой, направленной именно на архаизацию. СМИ лишь пытаются чем-то необычным привлечь внимание к своей информации и повысить свой рейтинг.

А вот архаическими агентами являются те социальные субъекты, для которых архаика, архаические ценности служат базисом. При этом архаические агенты не обязательно становятся однозначными агентами архаизации. То есть они склонны именно к такому влиянию, но не обязательно четко и сознательно ориентированы на него. К тому же необходимо учитывать и то, что как современное, так и архаическое общество в современных условиях являются не столько реальностью, сколько аналитической категорией, “идеальным типом”, к которому реальные общества в большей или меньшей мере приближаются. С одной стороны, в современных обществах всегда оставался и остается большой или меньший пласт архаики. С другой стороны, в силу длительной истории доминирования и продвижения современных ценностей, целостность и стабильность архаических ценностей также постоянно подвергалась испытаниям, поэтому данные ценности определенным образом модифицировались, утрачивая свою “чистоту”. В итоге нынешние архаические субъекты преимущественно не являются “чистыми” агентами архаизации, но вносят свой вклад в переформатирование ценностных комплексов в некую новую комбинацию современных и архаических.

Учитывая “центральность” в архаическом комплексе ценностей сакрального, основными архаическими агентами являются разнообразные группы и организации, базирующиеся на религиозной вере. После, казалось бы, безвозвратного вытеснения в сферу личных убеждений и предрассудков, мир XXI века характеризуется заметной тенденцией к ревитализации общественной значимости религии, возвращению последней в публичную сферу. И возвращаясь, религия нередко (хоть и не всегда) становится той силой, которая пытается продвигать архаические, антимодерные ценности. В то же время архаические субъекты не только обуславливают архаизацию, но и вполне могут способствовать распространению современных ценностей. Например, массовое распространение пятидесятничества в Южной Корее стало заметным фактором модернизации последней. Вместе с тем вслед-

ствие специфики своих ценностно-нормативных устоев религия все же более склонна содействовать архаизации.

Также архаическими агентами в современных условиях являются те националистические движения, которые базируются на этническом, а не политическом понимании нации. Таким движениям присуща идеализация своего этноса, сакрализация последнего и сосредоточение на традиции, большая или меньшая мера ксенофобии, агрессия, идея верховенства нации по отношению к индивиду, ограничение прав и свобод последнего (то есть хотя они формировались в современные времена, их ориентации, несмотря на это, совершенно архаические).

Последствия деятельности архаических субъектов не обязательно негативны, ведь архаика как таковая не является синонимом негатива. Отдельные современные ценности (или же тот способ, которым они внедряются в человеческую деятельность) могут точно так же не отвечать стратегической потребности выживания сообщества, как и архаические. К тому же, как отмечалось выше, архаические субъекты не обязательно сосредоточиваются на архаике, но могут содействовать и развитию. Однако в тех случаях, когда они пытаются ориентировать общество на архаические системы отношений, это может представлять серьезную опасность. Ведь с точки зрения идей, которые архаические агенты социальных изменений предлагают обществу, общим для них является предложение простых ответов на сложные вопросы, что вряд ли можно считать адекватным в современном сложном мире.

НАТАЛИЯ БОЙКО,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Проблема агентности институциональных изменений в контексте диджитализации современного украинского государства

В Украине активно разворачиваются процессы цифрового наполнения всех общественных сфер. Развертываются такие программы, как электронное управление — электронное правительство, электронная демократия, которые в конечном итоге активно эволюционируют на этом этапе уже в электронное государство, государство в смартфоне. Ныне разработана правительственная программа “ДіЯ” (то есть “Держава” і “Я”), суть которой по замыслу разработчиков сводится к взаимоотношениям в онлайн-формате государства и гражданина — двух главных субъектов, на которых направлена эта программа.

Отстранение благодаря онлайн-формату чиновника (как оказывающего государственные услуги) от непосредственного взаимодействия с гражданином (как получателем государственных услуг) призвано демократизировать общественные отношения, противодействовать коррупции, упростить взаимоотношения государственных структур с гражданами, расширить возможности контроля сообщества за деятельностью властных учреждений и чиновников. В общем, перевод взаимодействия государства и граждан в онлайн-формат — общемировая тенденция современной демократизации. Однако развитие этих процессов в разных странах происходит

крайне неравномерно, обнаруживая свои тенденции и особенности протекания в каждой отдельной стране.

Ныне на официальном, институциональном уровне у нас нет разработки такой программы, как электронная Украина — *e-Украина*, которая должна быть более широкой, чем программа *e-государства*, и предлагать в онлайн-формате не только программы, которые предполагают взаимодействие государства и гражданина, но и реализацию в онлайн-формате деятельности и взаимодействия других социальных агентов. Такая программа должна реализовываться на государственном уровне, что предусматривает гарантии ее дееспособности. Особенностью диджитализационных процессов в Украине было то, что с самого начала государство не выступало их заказчиком. То есть инициатива диджитализационных процессов исходила снизу и извне.

Сейчас активными и действенными агентами диджитализационных процессов в стране являются *IT-специалисты (IT-активисты)*, международные структуры и фонды, негосударственные общественные организации, рядовые активные граждане. Следует отметить, что в процессе развития и воспроизводства общественной деятельности и взаимодействия в онлайн-формате структура этой агентности была очень подвижной и остается таковой до сих пор. Преобладание определенного агента не предполагает того, что другие агенты вовсе исчезают. Речь идет о превалировании активности того или иного агента, детерминирующего определенный этап.

На начальных этапах основными агентами диджитализационных сдвигов в стране выступали равнодушные и сознательные *IT-специалисты*, которые ввели определенную этику онлайн-взаимодействия и четко следили за ее соблюдением. Диджитализационные изменения происходили по инициативе *IT-бизнеса*, частных структур и организаций. И на запросы государства о возможной помощи они отвечали — “ничего не нужно, просто не мешайте”. На уровне государства на тот момент отсутствовало ощущение важности и полезности онлайн-формата общественного взаимодействия.

Со временем эффективность социальных онлайн-действий и взаимодействий неоднократно подтверждалась в общественной активности. Это была самоорганизационная активность граждан, которые использовали онлайн-возможности для общественных акций, организации общественных инициатив, оказания помощи и т.п. И такая активность имела весомые общественные последствия. В качестве примера можно привести события 2013 года, когда в конце марта внезапно выпал снег в Киеве и случился общественный коллапс, к которому власть не была готова. Поэтому жители столицы остались один на один с последствиями мартовской метели. И тогда именно онлайн-активисты помогли решить эту проблему. Представители власти почувствовали эффективность такого взаимодействия. Онлайн-активистов начали приглашать на государственные мероприятия, предпринимались первые попытки объединить усилия онлайн-активистов и государственных структур.

Со временем этап рядовой онлайн-активности, главной движущей силой которого были рядовые общественные онлайн-активисты, трансформировался в следующий этап, который можно охарактеризовать как международный. Диджитализационные процессы в Украине стали предметом пристального внимания международного сообщества. Активно развивались международные инициативы, Украина как государство приобщалась к

международным законам и международным хартиям. Но не всегда потому, что государство понимало или само имело потребность в этом.

На этом этапе международные организации поддерживали украинских активистов. Точнее активисты имели поддержку со стороны международных организаций, реализуя международные запросы и инициативы, в основном на местном уровне. То есть они помогли государственным структурам выстроить что-то в онлайн-формате — наладить какое-то взаимодействие, ввести электронные петиции на уровне определенного города, районного центра или же целого района. Это были единичные инициативы, реализуемые при международной поддержке.

На этом этапе можно выделить три главных агента. Это международные организации, гражданские активисты и государство. Приобщение государства к диджитализационным процессам в качестве одного из действенных агентов реализовалось в институционализированной форме через создание государственной структуры — Государственного агентства по вопросам электронного управления Украины. При этом государство не было основным игроком на данном поле. Агентство работало в сотрудничестве с другими агентами, активно приобщалось к процессам взаимодействия с общественностью, реагировало на общественные запросы, интересовалось у граждан, какие они хотели бы открыть базы данных, какие услуги нужны им в первую очередь. В то же время международные организации, которые спонсируют процессы диджитализации в мире, способствовали тому, что участвовавшие в этих программах активисты энергично подталкивали государство к тому, чтобы оно открывало собственные базы данных.

Ныне мы наблюдаем новый этап. Сегодня государство позиционирует себя как активного агента, возлагающего на себя полную ответственность за реализацию диджитализационных трансформаций в стране. Во второй половине 2019 года было создано Министерство цифровой трансформации Украины, создан Комитет цифровой трансформации в Верховной Раде и т.п. Все это свидетельствует о наступлении институционального этапа украинской диджитализации.

Такая ситуация благоприятна для успешной реализации диджитализационных трансформаций в стране. Государство имеет все рычаги для обеспечения и контроля реализации этих процессов. Основными недостатками предыдущих этапов были точечная активность диджитализационных инициатив, распыленность и децентрализованность, бессистемность преобразований, оторванность их от реальных действенных практик онлайн-активности. Централизация этих процессов на государственном уровне придает процессу целенаправленность и эффективность. Но существуют и определенные риски. Происходящая сегодня централизация диджитализационных процессов может спровоцировать отчуждение государства от активной общественности, других агентов этого непростого процесса. Если раньше вся инициатива шла снизу, то теперь она превращается в приказ сверху. Сегодня государство как основной агент этих изменений берет всю ответственность на себя, спускает вниз те решения, которые необходимо реализовывать на местном уровне. Но процесс диджитализации требует не только наличия определенной материально-технической базы, профессиональных и технических навыков и умений субъектов онлайн-взаимодействия, но и активного и осознанного желания осуществлять эти изменения. Поэтому успешность диджитализационных преобразований в современном

украинском государстве зависит от готовности общества к таким преобразованиям и продуктивного взаимодействия всех агентов этих трансформаций, их плодотворного сотрудничества.

СЕРГЕЙ СОЛОДЬКО,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Журналисты как агенты изменений: “pro” и “contra”

Ознакомление с кратким изложением истории Украины последних десятилетий даст нам представление о весомой роли журналистов в общественных изменениях нашего общества. Приведу несколько наиболее показательных примеров. 1970-е годы — КГБ арестовал молодого журналиста Вячеслава Черновола. Его подпольный журнал “Український вісник” стал главным информационным рупором диссидентского движения. Журналист Черновил со временем становится одним из основных локомотивов обретения независимости Украины и влиятельным политиком 1990-х.

Еще выдающаяся фигура — Георгий Гонгадзе, один из основателей онлайновой журналистики. Его убийство привело к появлению первого палаточного городка на Майдане независимости Украины, первым массовым столкновениям с полицией и во многом послужило консолидационным фактором для объединения украинской оппозиции перед Оранжевой революцией 2004 года.

Влиятельные фигуры 2000-х и 2010-х — Мустафа Найем и Сергей Лещенко. Пост Найема осенью 2013-го стал первым шагом Евромайдана. Фамилию Лещенко сегодня учатся выговаривать американские политики, когда спорят о его влиянии на американские выборы 2016 года на слушаниях по поводу возможного импичмента Дональда Трампа.

Несмотря на наличие таких весомых исторических доказательств того, что журналисты действительно являются агентами изменений, проблема осмысления этого явления существует и безусловно заслуживает внимания.

Агентность СМИ сегодня проблематизируется как в медиа-теории, так и самими журналистами в своей практике. Это один из главных аспектов дискуссии вокруг переосмысления изменения общественной роли и природы СМИ, происходящего в результате изменения ряда аспектов современного медиа-ландшафта.

Эти изменения связывают с технологическими инновациями (в частности, с появлением интернета и портативных коммуникационных устройств) и изменением культурного контекста, то есть переходом в ситуацию цифровых медиа-коммуникаций, так называемых новых медиа.

Сначала проанализируем эти изменения в целом, а потом рассмотрим их в контексте украинской медиа-реальности и в аспекте журналистской агентности. Для осмысления ситуации “новых медиа” мы создаем дискурсивный фон — вспомним ситуацию до них, то есть медиа-реальность второй половины XX века с ее аналоговым телевидением, радио и печатной прессой.

Как выглядит “идеальный тип” журналистики в контексте традиционных медиа?

Медиа здесь — это громоздкие индустрии со сложной инфраструктурой, требующие огромных ресурсов для производства и распространения контента. Это сужает количество участников на этом поле и создает своего рода институциональную монополию на интерпретацию общественных событий. В свою очередь сложные организационные и технологические аспекты производства контента, сама его материальная форма предполагают четкое различие между медиа-форматами и медиа-жанрами. Аудитория отделена от процесса производства, она остается по ту сторону телеэкрана или газетной полосы и предстает как пассивный потребитель информации.

В таком контексте и сформировалась своеобразная профессиональная идеология журналиста эпохи традиционных медиа. Исследователь Марк Деузе определяет основные ценности и нормы этой профессиональной идеологии, те признаки, которые очерчивают смысл, вкладываемый журналистами в свою работу; признаки, отличающие подлинную журналистику от мнимой.

Соблюдение таких норм и образует почву для легитимации этой профессии в качестве необходимой общественной роли. Это, в свою очередь, очерчивает потенциал журналистов как агентов общественных изменений. Чтобы быть легитимным агентом изменений, журналисту необходимо доказать, что он является настоящим журналистом.

Среди важнейших характеристик работы настоящего журналиста Марк Деузе выделяет объективность (оперировать фактами; предоставлять слово всем сторонам), автономность (когда на журналиста не влияют внешние факторы) и нейтральность (неангажированность, стремление быть отстраненным наблюдателем).

Такое осмысление журналистской профессии как рациональной практики, оперирующей фактами и устанавливающей истину, определенным образом уподобляет ее науке. Общественная роль журналиста здесь функционально декларируется как *watchdog journalism*; журналисты наблюдают за общественными процессами, собирают и распространяют о них информацию.

На фоне такого образа традиционных медиа перейдем к нашей современной ситуации — эпохе новых цифровых медиа. Новые технологические и связанные с ними социокультурные контексты влияют на изменения на этапе производства, распространения и потребления медиа-контента. Цифровые технологии позволяют вырабатывать медиа-продукт без громоздкой организационной и материальной инфраструктуры, без весомых ресурсов. Это создает ситуацию доступности медиа-производства, возникновения так называемой гражданской журналистики, многоголосия медийных каналов и конкуренции интерпретаций общественных процессов.

Журналистика гибридизируется, становится мультимедийной, многоформатной и интерактивной. Стираются границы между производством, распространением и потреблением информации. Сам процесс производства контента частично становится публичным, в отличие от традиционных медиа, где он скрывался за кулисами. Работа журналистов фиксируется на записывающие устройства свидетелями событий и таким образом становится составной частью контента. Грань между публичным и частным в практике самого журналиста стирается в силу его активности в социальных медиа. Становится заметным влияние разнообразных производственных факторов и социокультурных характеристик журналиста на конечный медиа-контент, который будет транслироваться в сети. Аудитория уже не про-

сто потребляет информацию, а активно ее ищет, отсортировывает, проверяет, сравнивает, критикует, распространяет и интерпретирует.

Современные медиа-теоретики говорят о ревизии основных характеристик профессиональной журналистской идеологии в результате смены технологических и культурных составляющих привычного медиа-ландшафта.

Наряду с технологическими изменениями уникальность ситуации в украинских медиа обусловлена наличием других факторов, подогревающих дискуссии о природе медиа. В первую очередь, это ситуация войны, которая привносит в повестку дня медиа фактор национальной безопасности и витальности, чем заостряет аспект ответственности работы журналистов, то есть их агентности.

Еще одна особенность — это отсутствие рынка медиа, что обуславливает экономическое и политическое давление на работу СМИ. В такой ситуации агентность СМИ становится актуальной дискуссионной проблемой как для самих медиа, так и для прочих заинтересованных акторов. В частности, сегодня новая власть активно продвигает идею регулирования стандартов работы СМИ.

ОЛЬГА СУССКАЯ,

кандидат филологических наук, доцент кафедры по связям с общественностью ФСНСТ Национального университета “Киево-Могилянская академия”, Киев

Агентность СМИ: о взаимодействии журналистики с разными социальными полями

Изменения макроинформационной среды в современном мире порождают не только масштабные объемы контента. Обсуждение роли журналистики и журналистов как “агентов изменений” в освещении позитивных и негативных реалий жизни все больше фокусируется на агентности СМИ. Именно на фоне углубления кризиса и все более ощутимых “рисков системы” усиливается поиск “ответственных” за трансформации (все более настойчивый, если изменения идут “не в том направлении”)¹.

В бурном океане информации социологи наблюдают проявления гибридности влияний и формального выполнения “задач системы”, причем не только со стороны представителей институционализированного “совокупного коммуникатора”, но и со стороны “свободных журналистов”. К сожалению, далеко не все журналисты сегодня осознают себя “агентами изменений” и отнюдь не привыкли за всеми инструментами и методами влияния на аудитории замечать участие человека — субъекта коммуникации².

Приведенные выше рассуждения разделяют и представители профессионального сообщества журналистов. Летом 2017 года по инициативе На-

¹ Бехманн, Г. (2012). Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний (с. 94). Москва: Логос.

² Сусська, О.О. (2019). Управління інформаційними потоками як властивість політичного менеджменту: перехід від імперативу — до взаємодії. *European Political and Law Discourse*, 6 (1), 108–116.

ционального союза журналистов Украины был проведен экспертный онлайн-опрос (на базе цифровой платформы “Anketa.in.ua”) среди профессиональных журналистов — членов НСЖУ. В целом опрос охватывал такие аспекты, как отношение журналистов к своей профессии, существование свободной журналистики и свободы слова, защита журналистов, отношение к возможностям НСЖУ. Проблемная ситуация исследования с точки зрения теории поля Бурдье заключалась в том, что борьба ключевых агентов разных социальных полей приводит к определенной напряженности в обществе и практически нарушает ожидания в отношении реальной способности выполнения журналистским сообществом позитивной роли “агентов изменений”. Гипотетически именно такой “агент”, с одной стороны, является представителем системы, а с другой — продуцирует действенность тезиса о “свободе слова” в своей деятельности. Как раз последнее и вызывает сопротивление системы, что мешает журналистам чувствовать полноту “свободы слова”, в чем заключается парадокс ситуации и ее проблемность.

Современные компьютерные технологии дают возможность использовать широкий спектр неподконтрольных властям источников информации, которыми уже пользуются и новые медиа, и журналисты-расследователи, и независимая и самодостаточная партиципационная журналистика¹. Впрочем, провластные медиа и институционализированные медийные “игроки” все еще пытаются оказывать давление (а иногда и прямую агрессию) в отношении тех журналистов и медиа, которые стремятся быть по-настоящему независимыми и объективными.

Отношение к журналистскому сообществу в обществе неоднородно. Прежний “авторитет СМИ” постепенно уходит в историю. Вместо этого возникает более недоверчивое отношение, обусловленное, прежде всего, распространением информации о владельцах медиаресурсов, к которым общество относится неоднозначно. Трансформировалось и понятие “эффективности” работы СМИ. При этом персонификация информационного обмена в условиях глобальных коммуникаций как научная, журналистская и коммуникативная проблема сохраняет свою актуальность.

За много лет в постоянно трансформирующемся украинском обществе сложился довольно устойчивый имидж, согласно которому именно журналисты являются “агентами изменений”, влияющими на динамику реформирования общества. Благодаря этому представлению журналистов считают участниками и неотъемлемой составляющей социальных процессов, а иногда переносят на них и свое представление об ответственности за то, что происходит в стране. В то же время, по мнению самих журналистов, это приводит к нарастанию агрессии к представителям СМИ. Так, больше половины опрошенных журналистов (56,6 % по сумме позиций “скорее вырос” и “значительно вырос”) указали, что за последние 3 года уровень проявления агрессии в отношении журналистов при выполнении ими своих профессиональных обязанностей вырос². Причем наибольшую обеспокоенность в плане агрессивного отношения к журналистам продемонстрировали группы

---

1 The quality and independence of British journalism. Tracking the Changes over 20 years / Cardiff University. Retrieved from: www.populationmedia.org.

2 Жертвы безкарності (2019). В: *Альманах НСЖУ. Спецвипуск*. Київ

26–35 лет и 36–45 лет, то есть именно те, кто чаще всего сталкивается с реальными опасностями, работает в “горячих” точках и участвует в оперативных выездах на чрезвычайные события и ситуации. С момента начала вооруженного конфликта на Востоке повышается и общий фон турбулентности, распространяясь и на мирные территории.

Данные исследования хорошо иллюстрируют борьбу агентов разных социальных полей, о которой говорил Бурдьё, и одновременно подтверждают весомость агентов поля журналистики. Среди тех, кто, по мнению журналистов, чаще всего нарушает законодательство о правах и возможности журналистов осуществлять их профессиональную деятельность, агенты, являющиеся ключевыми: в поле бюрократии — чиновники госучреждений (33%), в поле политики — представители политических партий (21,4%), в поле экономики — представители крупного бизнеса (15,4%), в юридическом поле — сотрудники органов МВД, патрульной полиции и т. п. (10,3%).

Вместе с тем влияние агентов социального поля журналистики с точки зрения самих журналистов возрастает. Косвенным свидетельством этого является то, что, несмотря на сложные условия работы, количество журналистов, считающих свой выбор профессии правильным, возросло. Сравнение данных исследований 2005 и 2017 годов об отношении к выбору профессии журналиста показывает, что доля журналистов, считающих свой выбор профессии правильным, возросла с 77,4% до 87,5%.

ИРИНА ЧУДОВСКАЯ,

доктор социологических наук, доцент кафедры отраслевой социологии, факультет социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Изменения в образовательных практиках: имитация, иллюзия или реальность

Реформирование образования в Украине в последние годы стало перманентным процессом. Соответственно возникает закономерный вопрос: почему сменилось несколько правительств, а реформы не принесли результатов? Или все-таки принесли, но эти изменения остались незамеченными? Наконец, действительно ли у нас были попытки реформирования или, возможно, мы оказались в плену иллюзий, создаваемых определенными имитационными действиями властных структур?

Имитация образовательных практик представляет собой серьезную проблему для украинского общества и, особенно, для образовательных процессов, поскольку они работают на будущее. Мы постоянно кого-то догоняем и кому-то подражаем без попытки осмысления собственного образовательного опыта, традиций и ресурсов. Взять хотя бы последние реформы — проект “Новая Украинская школа” (НУШ). Конечно, финская система, взятая за образец, эффективна, но она формировалась не в чистой изолированной среде, а в определенной культуре, которая, по сути, и составляет базовые условия для реформирования или внедрения каких-либо инноваций. Посмотрим хотя бы на показатели доверия, свойственного финскому обществу, — там существует высокий уровень доверия ко всем ветвям власти, о чем свидетельствуют результаты исследований. Он самый высокий среди

всех европейских стран. Доверие — это фильтр восприятия реальности и инициатив, которые предлагает правительство. Уже на старте мы не имеем равных возможностей: их сначала нужно создать, в противном случае мы скорее имитируем и “что-то” в процессе таких практик получаем.

Безусловно, определенные макрофакторы: экономические, политические, социальные всем известны. Финансирование образовательных практик имеется, но оно непрозрачно, к тому же все периодически обещанное, как правило, не реализуется. Формирует ли это доверие — конечно, нет. В политическом плане взят курс на реформы, но хотя бы одно предыдущее или следующее правительство подводило итоги реформирования? Нет. Имеется поддержка образования в виде лозунгов. Да и на уровне объекта реформ ситуация непростая — в плане имитации учебного процесса. Имитация стала неотъемлемым элементом образовательных практик, она присутствует и на уровне объекта, который копирует неадекватные паттерны поведения, и на уровне властных исполнителей.

На всех уровнях образования — от дошкольного до высшего — практически отсутствует выбор: детский сад — доминирующая модель “хорошо, что взяли ребенка”, поскольку критически не хватает мест в садиках; школьное образование — “обучение по месту проживания” без учета способностей ребенка, разве что родители как субъекты этого процесса, могут что-то изменить; обучение в вузах — доступность по критерию приобретенных знаний благодаря введению системы ВНО несколько изменила ситуацию, но количество вузов не отвечает спросу — для всех, кто учится, налицо отсутствие достаточных прав выбора в учебном процессе. Выбор в обучении: сначала родители, а затем учебное заведение решают за детей, что изучать и кто будет преподавать (как в случае вуза). Те, кто мог бы стать агентами изменений в образовательных процессах, заинтересованы в сохранении контингента учеников и обеспечении себя занятостью, а не в результатах обучения. В качестве примера следует отметить такую распространенную образовательную практику, как репетиторство среди учителей. Меньше знаний и больше часов на одного и того же ученика для проведения дополнительных занятий за дополнительную плату.

Конечно, и ученики, и учителя как агенты изменений очень мало мотивированы. Уже становится тенденцией в нашей стране, когда на педагогические специальности идут те, кто не поступил на другое место. Данные нескольких вступительных кампаний показывают, что на педагогические специальности идет молодежь с самыми низкими баллами ВНО, да и доля тех, кто завершает обучение и возвращается работать в школу, достаточно низкая; столь же низким остается и уровень переподготовки, повышения квалификации, заработной платы, престижа. Все это порождает огромный круг проблем. Учителя создают иллюзию, что учат, а ученики соответственно — что учатся. Это предположение, разумеется, требует более тщательного исследования с довольно простой исследовательской задачей: понять включенность как педагога, так и ученика в учебный процесс и выяснить, как это связано с полученными результатами. Традиционное “списывание” у одноклассников / одногруппников как образовательная практика расширило свои рамки благодаря интернет-возможностям. Как говорится, “чтобы сдать, не обязательно знать”. К этому еще больше стимулирует увеличение именно письменных разновидностей заданий и различных форм тестирования.

В итоге, по данным GFK, лишь 44% молодых украинцев удовлетворены качеством образования в Украине в целом, и только треть уверены, что украинское образование отвечает потребностям современного рынка труда... Для сравнения можно сослаться на опрос Eurobarometer 2014 года, который показал, что 73% молодежи ЕС согласны, что их образование дало им необходимые навыки для поиска работы в соответствии с полученной квалификацией¹.

Если говорить о количественных показателях, то можно увидеть отдельные позитивные моменты. Мы имеем достаточно разветвленную систему вузов, но при этом молодежь, заказчики не удовлетворены качеством полученного образования. Есть и широкий доступ к высшему образованию, и довольно большая доля населения с высшим образованием, но значительная часть этих людей пополняют армию безработных.

Существуют определенные проблемы, лежащие на поверхности, а с другой стороны, есть и скрытые проблемы. То есть можно констатировать: курс на реформы периодически озвучивается, но реальное состояние их внедрения остается вне поля зрения, поскольку анализ и измерения требуют соответственно организованных исследований, которые, к сожалению, не были фундаментом реформ в точке старта. Например, на сферу образования в 2016 году государство расходовало почти 6% от ВВП; это довольно большая часть государственных расходов, больше расходуется только на социальную сферу, но бюджетные программы на сегодня не имеют ни сформулированных целей, связанных с состоянием развития человеческого капитала, ни мониторинга показателей их достижения, ни открытости в механизмах использования этих средств. По установленным индикаторам невозможно выяснить, эффективна ли госпрограмма, понять, на что именно израсходованы средства налогоплательщиков и сколько нужно их расходовать — больше или меньше. Распределение и использование средств бюджета, предназначенного на образование, пока остаются непрозрачными. Политические агенты не склонны к тому, чтобы открыто показать оборот средств в образовательной сфере, а значимости человеческого фактора для внедрения любых реформ никто не отрицает.

Не менее сложным является вопрос кадрового обеспечения образовательных практик. Частное образование по сравнению с государственным за годы независимости так и осталось на обочине (1% частных школ от общего количества), а именно эти учреждения являются, как правило, экспериментальными площадками для внедрения инноваций.

На микроуровне, на уровне агентов все выглядит еще более пессимистично. Иллюзия образованности и имитация процесса становятся ключевой тенденцией. Образовательные реформы — это не только финансовые ресурсы, но и человеческие. Обратимся, например, к таким агентам образовательных практик, как родители. Много ли существует образовательных заведений, где “учат одной из важнейших” компетенций — быть родителями, где (кроме сети и отдельных курсов) человек мог бы пополнить свои знания или потренироваться в умениях, которые ему необходимы при выполнении отцовской или материнской роли? Работодатель, если он заинтересован в работнике, созда-

¹ Офіційний сайт МОН. Реформа України “Нова Українська школа” (см.: <https://mon.gov.ua/ua/tag/nova-ukrainska-shkola>).

ет условия для его развития. Заинтересовано ли государство в образованных родителях? Вопрос открыт, а родители как активные агенты образовательного процесса практически полностью выпадают из всех образовательных реформ — они априори считаются “навсегда образованными”.

Таким образом, общая картина изменений в образовательных практиках оставляет неоднозначное впечатление. Уже в течение нескольких десятилетий в Украине осуществляется реформирование образования, но к международным исследованиям в этой сфере мы только начинаем постепенно приобщаться, поэтому не задаем инновационных трендов в образовании, а догоняем других, не создав собственной стратегии и алгоритмов ее реализации и инструментария для исследования, без учета опыта и традиций, существовавших в украинском обществе. Это, в свою очередь, означает, что не создаются новейшие образовательные формы, являющиеся сутью “ре-формирования”.

СВЕТЛАНА ШЕВЧЕНКО,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Агенты изменений в поле образования

Современные авторы, такие как М. Ридли, Т. Вагнер, Т. Динтерсмит, А. Шлейхер, исходя из разных (если не противоположных) идеологических позиций, в целом говорят о том, что:

- образование — это довольно консервативная сфера, которая не успевает за изменениями, происходящими в других сферах современных обществ;
- поле образования требует инноваций;
- этим инновациям нужно, как минимум, не мешать¹.

Тема агентности в плане изменений в украинском образовании в течение последних лет весьма разноплановая. Отдельного рассмотрения требуют дошкольное, школьное, среднее специальное, высшее образование, образование взрослых и т.п. К тому же отслеживать изменения в образовательной сфере изолированно от изменений в других общественных сферах крайне сложно. Отметим лишь некоторые из последних изменений в поле образования и попробуем определить агентов этих изменений.

Развитие частного среднего образования. По данным Госкомстата, заведений общего среднего образования (ЗОСО), базирующихся на государственной и коммунальной собственности, в Украине на 2014/15 учебный год было 17437, на 2018/19 — 15293 (уменьшение на 12,3%). В то же время за этот период число частных учреждений возросло с 167 до 228 (на 36,5%). И хотя частные ЗОСО пока составляют малую долю от всех заведений (1,5%, из которых 28,9% — в Киеве), положительная динамика, безусловно, есть. Количество учеников государственных ЗОСО возросло на

---

¹ См.: Вагнер, Т., Динтерсмит, Т. (2017). *Мистецтво навчати. Як підготувати дитину до реального життя*. Київ: Наш формат; Рідлі, М. (2019). *Еволюція всього*. Київ: Видавнича група КМ-БУКС; Шлейхер, А. (2018). *Найкращий клас у світі: як створити освітню систему 21-го століття*. Львів: Літопис.

7,2%, частных — на 83,8% (доля учеников частных учреждений от всех учеников в 2018/19 равнялась 0,8%). Количество учителей государственных ЗОСО уменьшилось на 3,0%, частных — возросло на 35,2% (доля учителей частных ЗОСО на 2018/19 составляла 1,1%). Агентами изменений здесь являются энтузиасты, взявшие на себя задачи открытия частных школ, что является весьма рискованным бизнес-проектом.

Педагогическое образование и дальнейшая занятость педагогов. В 2018 году в заведении высшего образования (ЗВО) было принято 310 326 человек, из них по направлению “образование, педагогика” — 34 318 (11%). Эта доля практически наибольшая из всех направлений подготовки специалистов. Идут ли потом эти люди работать по специальности, в сферу образования? Далеко не все. Так, количество педагогических работников в возрасте до 30 лет среди всех учителей ЗОСО было равно 8,8% на 2018/19, при этом их доля уменьшилась на 9,3% по сравнению с предыдущим учебным годом. То есть можно предположить, что выбранное направление обучения для молодежи — всего лишь простейший способ получить диплом о высшем образовании, а не призвание или план в отношении дальнейшей работы. С таким дипломом молодого человека быстрее возьмут на работу в частный сектор дошкольного или внешкольного образования (различного рода курсы для раннего развития детей), кроме того, можно заниматься на основе фрилансинга репетиторством или уходом за ребенком (няня-гувернантка, помогающая с уроками младшим школьникам). Трудно сказать, можно ли назвать агентами изменений непосредственно юных обладателей дипломов педагога, которые пошли работать в центр развития для детей дошкольного возраста вместо обычной школы, но, безусловно, если есть запрос на внешкольное образование, то будет и предложение, а значит, расширение сектора частного образования может стать трендом.

Онлайн-образование. Здесь, конечно, главный кейс — это проект “Прометеус” (Prometheus), который с осени 2014 года предоставляет доступ к бесплатным онлайн-курсам. Безусловно, в Украине есть слой людей, которые пользуются англоязычными онлайн-курсами (типа Coursera), но украиноязычные курсы позволили многим усовершенствовать свои знания по разнообразным предметам без языкового барьера. В перечне предложений Prometheus — не только курсы от украинских ученых и практиков, но и адаптация всемирно известных курсов от ведущих преподавателей и университетов мира. Также проект предоставляет доступ к онлайн-курсам по подготовке к ВНО. Агентами изменений здесь выступили молодые люди, представители гражданского сектора, которые амбициозно провозгласили: “Наша цель — революция в образовании в Украине”.

“Новая украинская школа” — широко известный проект реформы школьного образования, который был запущен в тестовом режиме в 2018/19 учебном году, а с осени 2019-го все первые классы перешли на новый стандарт. Декларируемая цель НУШ — воспитать личность, патриота и инноватора. Пока что трудно оценить результаты пилотного проекта, однако реформа уже имеет как своих сторонников, так и недовольных. Согласно результатам Мониторинга-2019, считают, что реформа способствовала позитивным изменениям, 23% опрошенных, а негативными ее последствия назвали 26%. Агентами изменений здесь выступает команда МОН, которая начала внедрение реформы.

Школа как безопасная среда. Важны изменения, касающиеся не только содержания образовательных программ, но и безопасности школьной среды для ребенка. Так, недавно принят Закон Украины “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по противодействию буллингу (травле)”. Противодействие буллингу является одной из составляющих реформы НУШ, и сегодня эта тема вышла из тени замалчивания и стала широко обсуждаемой. Разумеется, от принятия закона до реального противодействия — огромная дистанция, но по крайней мере эта темная сторона школьной жизни станет более исследованной, а значит со временем — и менее опасной для детей.

ВИКТОРИЯ ГУМЕНЮК,

аспирантка кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”, Киев

Теория морфогенеза агентности Маргарет Арчер: от социологической теории к сфере школьного образования

В условиях современного мира перед школьным образованием встает вызов преобразования в инструмент гармоничного развития и социализации личности, чтобы после завершения образования ученики были готовы делать сознательный жизненный выбор, самореализовываться и учиться на протяжении всей жизни. Общая тенденция изменений на международном и национальном уровне свидетельствует о необходимости расширения учебного опыта, вывода его за рамки процесса приобретения оторванных от социального контекста академических знаний, а также обязательного учета личностных характеристик учеников в процессе обучения.

В отчетах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в течение последних лет обозначился повышенный интерес к понятию ученической агентности, особенно в свете трансформации школ в сторону инновационных учебных систем. К примеру, авторы проекта “Будущее образования и умений. Образование 2030” подчеркивают два важных момента. Во-первых, образование становится инструментом, при помощи которого каждый ученик может выбирать свой собственный путь к “благополучию индивидуальному и общественному”. Во-вторых, чтобы быть готовым к жизни в изменчивом будущем, требуется агентность, дающая необходимый опыт учеников “в течение процесса обучения и в течение жизни”, поскольку именно “агентность предполагает способность формулировать цель и определять действия по ее достижению”¹.

В глобальном справочном концептуальном документе по изменению учебных планов “Будущие компетентности и будущее учебного плана”² Международного бюро образования ЮНЕСКО авторы упоминают агент-

---

¹ OECD (2018). *The Future of Education and Skills. Education 2030*. Retrieved from: [https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20\(05.04.2018\).pdf](https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20(05.04.2018).pdf)

² Marope, M., Griffin, P., Gallagher, C. (s.a.). *Future Competences and the Future of Curriculum. A Global Reference for Curricula Transformation*. Retrieved from: http://www.ibe.unesco.org/sites/default/files/resources/future_competences_and_the_future_of_curriculum.pdf

ность с префиксом “self”, с ударением на личностном измерении, как одну из необходимых компетенций XXI века. Самоагентностью авторы документа называют “способность понять требования среды, в которой находишься, возможность использовать все имеющиеся ресурсы (знания, навыки, технологии и т.п.), чтобы предпринимать меры, которые являются для агента наиболее выгодными и реализующими его/ее потенциал наилучшим образом”.

Реформа школьного образования в Украине носит системный характер, предполагает изменение философии и методологических оснований. Концепция “Новой украинской школы” предполагает переход от репродуктивного к инновационному типу образования, базирующемуся на принципах единства личностно ориентированного, компетентностного и деятельностного подходов. Личностно ориентированный подход обеспечивает удовлетворение образовательных потребностей учеников в соответствии с их познавательными интересами и с учетом индивидуальных особенностей интеллектуального, физического и эмоционального развития. Деятельностный подход направляет организацию образовательного процесса в русло формирования практического опыта, а не сугубо получения знаний. Компетентностный подход предполагает интегрированный результат образования, выработку способности действовать, применять приобретенный опыт на практике.

Инновационный тип обучения, коренным образом отличающийся от традиционного, ставит перед учениками следующие задачи: быть инициативными и занимать активную позицию, принимать участие в многосторонней коммуникации субъектов учебной деятельности, творчески подходить к решению задач, приобретать опыт, формировать собственные компетенции и т.п. Следовательно, компетентностный подход трансформирует парадигму знаний, доминировавшую в течение многих лет, в новую парадигму, ориентированную на результат. Более того, этот подход опирается на личностно ориентированный и деятельностный подходы. Среди весомых преимуществ компетентностного подхода выделяют, в частности, возможность задействовать в учебных результатах субъектность ученика, его опыт и сделать эти элементы качества образования объектом государственного контроля.

Именно использование компетентностного подхода формирует запрос на методологический и/или аналитический конструкт, который бы выходил за рамки свойственной знаниевой парадигме схемы взаимодействия ученика и учителя на уровне “обучение — преподавание” и делал возможным динамичное взаимодействие личностного и социального измерений в процессе школьного обучения.

Почвой для такого конструкта может стать видение процесса обретения социальной идентичности¹ через тройной морфогенез агентности, сформулированный Маргарет Арчер, а именно:

- дифференциацию — переход от “себя самого” (self) к первичной агентности;
- социализацию — переход от первичной к корпоративной агентности;
- персонификацию — переход от корпоративной агентности к обретению статуса социального актора, к тому, чтобы брать на себя определенные обязательства.

¹ Archer, M. (2000). *Being Human: The Problem of Agency* (pp. 261-295). Cambridge University Press.

Важно отметить, что появление социальной идентичности происходит на основе персональной идентичности, более того, именно персональная идентичность является первичной. Она зарождается в процессе практики (практической деятельности) человека в трех порядках реальности: природном, практическом и дискурсивном; не является фиксированной, однако инициирует внутренний диалог о собственной самоидентификации; находится в бесконечном диалектическом отношении с социальной идентичностью. Роль эмоций как “комментаторов того, что важно”, является ключевой, а рефлексивность составляет ядро для появления обеих идентичностей — служит медиатором роли объективных структурных и культурных влияний в формировании социального действия. По сути, осознание и принятие определенных социальных обязательств на уровне социального актора происходит в результате синтеза персональной и социальной идентичности, которые “являются эмерджентными и различными, хотя они и вносят вклад в эмерджентность и отличие друг от друга”¹.

Итак, контекст изменений школьного образования делает аналитический и методологический инструментарий морфогенеза агентности Маргарет Арчер актуальным и, безусловно, полезным, поскольку: а) позволяет интегрировать в учебном процессе индивидуальное (персональное) и социальное измерения; б) подчеркивает центральность человека; в) опирается на эмоции как важнейшие элементы для понимания человека, который учится; г) делает рефлексию обязательным опытом в процессе обучения.

---

¹ Ibidem (p. 288).